

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ ЛІ.

О РАЗВИТІИ
ВОЛИ И ХАРАКТЕРА У ДѢТЕЙ.

Прив.-доц. А. Ф. Лазурскаго.

Редакторъ П. Каптеревъ.
Завѣдывающій изданіемъ Алексѣй Альмедингенъ.
Адресъ редакціи: СПБ., Захарьевская, д. 1, кв. 7.

1906

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Общія замѣчанія	3.
I. Развитие движеній	5
II. Развитие чувствованій и воли.	20
III. Вниманіе. Внѹшаемость	36
IV. Разновидности характера	50

2005346648

О развитіи воли и характера у дѣтей.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Приступая къ наблюденію надъ тѣмъ, какимъ образомъ происходитъ у дѣтей развитіе воли и характера, необходимо прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ «характеръ». Слову этому можно придавать двоякое значеніе—широкое или, наоборотъ, болѣе узкое.

Въ широкомъ смыслѣ характеромъ называется совокупность всѣхъ тѣхъ душевныхъ качествъ, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другого. Сюда войдутъ, слѣдовательно, не только волевыя особенности даннаго человѣка, не только его симпатіи и антипатіи, желанія и влеченія, движенія и дѣятельность, но также и умственные качества: живость и яркость впечатлѣній, наблюдательность, развитіе памяти, воображенія и т. п. Все, что составляетъ душевную жизнь человѣка, все, что является для него «типичнымъ», «характернымъ», все это войдетъ въ данное опредѣленіе. Другими словами, характеръ отождествляется здѣсь съ личностью, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

На ряду съ этимъ широкимъ опредѣленіемъ характера существуетъ также и другое, болѣе узкое, основанное на слѣдующихъ соображеніяхъ. У всякаго человѣка есть, въ большей или меньшей степени, чувство личности, сознание своего соб-

ственного «я», противопоставляемое какъ внѣшнему міру, такъ и всѣмъ другимъ людямъ. Это чувство личности въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ можетъ значительно колебаться въ своей интенсивности, то усиливаясь, то ослабѣвая, но никогда не исчезая совершенно (за исключеніемъ, развѣ, случаевъ глубокаго сна, обморока, вообще болѣе или менѣе полной потери сознанія). Наблюдая за собой внимательно, можно замѣтить, что чувство это достигаетъ наивысшей степени въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ дѣлаетъ надъ собой какое-нибудь энергичное волевое усиліе, когда онъ, напр., изъ соображеній долга заставляетъ себя отказаться отъ какого-нибудь удовольствія или рѣшается добровольно приняться за трудное и непріятное для него занятіе. Такимъ образомъ непосредственный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что чувство личности связано, повидимому, наиболѣе тѣсно съ различными проявленіями волевого акта.

Но воля человѣка не является откуда-нибудь извнѣ; она находится въ самой тѣсной связи со всѣмъ остальнымъ его душевнымъ складомъ, и прежде всего—съ чувствами и желаніями. Чувства всегда являются тѣмъ двигателемъ, который заставляетъ насъ напрягать въ большей или меньшей степени свою волевою энергію. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ проявляетъ такъ называемую «холодную рѣшимость», когда онъ, составивши себѣ заранѣе опредѣленный планъ дѣйствій, проводитъ его съ неуклонной послѣдовательностью, не поддаваясь никакимъ минутнымъ увлеченіямъ.—даже въ этихъ случаяхъ внимательный анализъ указываетъ обыкновенно на присутствіе какого-нибудь затаеннаго, глубокаго чувства, мало проявляющагося наружу, но, тѣмъ не менѣе, составляющаго основной мотивъ всего поведенія. Такова дѣятельность великихъ честолюбцевъ; а также всякаго рода карьеристовъ и людей наживы.

Менѣе тѣсная зависимость существуетъ между волей человѣка и умственными его качествами. Наблюдательность, память, живость воображенія, — все это такія качества, на основаніи которыхъ мы еще не можемъ судить о томъ, насколько развита воля у наблюдаемаго нами субъекта. Извѣстно, напр.,

что нѣкоторые больные, страдавшіе идиотизмомъ, т.-е. полной почти атрофіей всѣхъ важнѣйшихъ душевныхъ особенностей, обладали въ то же время феноменально развитой памятью. Геніальные художники и поэты бывали нерѣдко людьми въ высшей степени слабохарактерными. Съ другой стороны, волевая энергія можетъ быть развита довольно значительно даже и въ томъ случаѣ, если способность мышленія находится въ зачаточномъ состояніи (глупое, безтолковое упрямство).

Исходя изъ этихъ соображеній, нѣкоторые считаютъ возможнымъ ограничить понятіе характера, включая сюда не всѣ душевныя особенности человѣка, а только тѣ изъ нихъ, (которыя относятся къ области воли и чувствованій. Умственные же способности принимаются въ расчетъ лишь постольку, поскольку онѣ вліяютъ на дѣятельность и поступки человѣка, регулируя его поведеніе, расширяя его интересы и придавая сознательность его дѣйствіямъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ придавать слову «характеръ» именно такое, болѣе ограниченное, значеніе.

I.

Развитіе движеній.

Съ перваго же момента своего появленія на свѣтъ ребенокъ, если только онъ здоровъ и жизнеспособенъ, обнаруживаетъ цѣлый рядъ двигательныхъ проявленій. Онъ кричитъ, чихаетъ, поворачиваетъ голову, вращаетъ глазами, непрерывно двигается, разводя руками и ногами или прижимая ихъ къ туловищу и т. п. Всякое непріятное раздраженіе, какъ, напр., купанье, пеленаніе, голодъ, заставляеть его кричать и усиленно двигаться. Пріятныя же ощущенія уже на второмъ мѣсяцѣ вызываютъ у многихъ дѣтей подобіе улыбки или смѣха. Они улыбаются, когда ихъ щекочутъ, когда они сыты, когда они лежатъ спокойно и ничто ихъ не тревожитъ.

Однако, было бы большимъ заблужденіемъ считать всѣ

перечисленные только-что сложные сокращения мышечных групп проявленіями настоящей, сознательной воли, т.-е. сразу, безъ дальнѣйшихъ разсужденій переносить на ребенка всѣ тѣ наблюденія и выводы, которые мы привыкли дѣлать надъ людьми взрослыми. Новорожденный кричитъ вовсе не потому, чтобы онъ чувствовалъ что-нибудь непріятное и своимъ крикомъ хотѣлъ выразить свое неудовольствіе. Двухнедѣльный ребенокъ, поворачивающій глаза въ ту сторону, откуда раздался внезапно сильный шумъ или голосъ его матери, дѣлаетъ это совершенно безсознательно, отнюдь не имѣя въ виду сосредоточить свое вниманіе на заинтересовавшемъ его звукѣ. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ болѣе примитивна его жизнь, тѣмъ труднѣе узнать навѣрное, выражаютъ ли что-нибудь его жесты, плачь и движенія. Оттого-то такъ трудно производить систематическія наблюденія надъ дѣтьми, оттого такъ много противорѣчій встрѣчается въ показаніяхъ отдѣльныхъ наблюдателей.

Разсматривая проявленія сознательной воли у взрослога человѣка, можно убѣдиться, что всѣ волевые дѣйствія можно раздѣлить на двѣ большія группы: *внѣшнія* и *внутреннія*. Когда я сажусь за столъ, достаю бумагу и, обмокнувъ перо въ чернила, начинаю писать письмо, то моя воля направлена на совершеніе цѣлаго ряда сложныхъ движеній. Цѣль этихъ движеній заключается въ томъ, чтобы произвести извѣстныя перемѣны въ окружающей меня внѣшней средѣ. Поэтому и волевой процессъ, направленный къ осуществленію этихъ перемѣнъ и выразившійся въ рядѣ сложныхъ движеній, называется внѣшнимъ волевымъ дѣйствіемъ.

Однако, волевое усиліе можетъ быть направлено не только на двигательную сферу человѣка, на его мышечныя сокращенія. Не менѣе широкая область примѣненія воли состоитъ въ томъ, что человѣкъ пріучается владѣть собственными мыслями и чувствами, сосредоточиваясь по произволу на какой-нибудь трудной и скучной умственной работѣ, подавляя тѣ чувства и влеченія, которыя онъ считаетъ вредными или несвоевременными и заставляя себя думать и даже чувствовать не такъ,

какъ хочется, а такъ, какъ велятъ долгъ и благоразуміе. Въ подобныхъ случаяхъ волевое усиліе, иногда очень значительное, не влечетъ за собой никакихъ непосредственныхъ внѣшнихъ проявленій. Человѣкъ сидитъ неподвижно, уставившись въ одну точку, и только сдвинутыя брови и стиснутые зубы свидѣтельствуютъ о происходящей въ немъ внутренней борьбѣ. Результаты борьбы сказываются (по крайней мѣрѣ, въ началѣ) не какими-нибудь внѣшними обнаруженіями, а тѣмъ, что внутренняя жизнь человѣка получаетъ другое направленіе, что прежнія мысли, чувства и влеченія уступаютъ мѣсто другимъ, выдвинутымъ при помощи сознательнаго волевого усилія. Такія волевая дѣйствія, направленныя на измѣненіе нашихъ внутреннихъ, душевныхъ переживаній, называются внутренними волевыми дѣйствіями.

Наблюденія показываютъ, что способность къ внутреннему волевому дѣйствію появляется у человѣка значительно позже, нежели къ внѣшнему. Уже въ теченіе перваго года жизни ребенокъ выучивается сидѣть, держать и поворачивать свою голову, захватывать руками предметы, ползать и даже ходить. Способность же самообладанія, управленія своими мыслями и чувствами требуетъ настолько сложной и развитой душевной жизни, что возникновеніе ея у дѣтей слѣдуетъ считать скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Во всякомъ случаѣ, первые признаки этой способности появляются значительно позже, нежели всякаго рода сложныя произвольныя движенія.

Такимъ образомъ, развитіе воли у дѣтей сказывается прежде всего на ихъ двигательной сферѣ. Въ виду этого намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ, каковы бываютъ движенія ребенка въ первые недѣли, мѣсяцы и годы послѣ его рожденія.

Извѣстно, что мозгъ новорожденнаго далеко не представляетъ изъ себя того сложнаго, въ высшей степени развитого, физиологическаго механизма, какимъ онъ явится впослѣдствіи, когда ребенокъ превратится во взрослога. Такъ называемая мозговая кора, т.-е. тотъ сѣрый слой, который окутываетъ собою наши мозговья полушарія и который играетъ такую важную роль во всей нашей психической жизни, еще далеко

не успѣла сформироваться ко дню рожденія ребенка. Отдѣльныя ея клѣтки, т.-е. какъ разъ тѣ элементы, изъ которыхъ исходятъ нервныя импульсы и въ которыхъ, повидимому, сосредоточивается главная дѣятельность мозговой коры, находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Нервныя волокна, идущія отъ этихъ клѣтокъ къ спинному и продолговатому мозгу, не обложены еще тѣмъ веществомъ (міелиномъ), которое у взрослога человѣка играетъ роль шелковой обмотки, отдѣляющей электрическіе провода другъ отъ друга. Поэтому изолированное проведеніе нервнаго тока по одному какому-нибудь волокну представляется невозможнымъ, а вслѣдствіе этого связь мозговой коры съ низшими центрами (продолговатымъ и спиннымъ мозгомъ) никакъ не можетъ установиться ¹⁾.

Это анатомическое несовершенство мозговой коры и ея нервныхъ проводовъ влечетъ за собой очень важныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что мозговая кора является главнымъ сѣдалищемъ всѣхъ нашихъ сознательныхъ волевыхъ процессовъ и, вообще, всей нашей сознательной душевной жизни. Нарушеніе ея дѣятельности влечетъ за собой потерю сознанія, спутанность, ослабленіе памяти, расстройство сужденій, нарушеніе произвольныхъ движеній, вообще — цѣлый рядъ расстройствъ, связанныхъ такъ или иначе съ помраченіемъ сознанія. Такова именно дѣятельность новорожденнаго. Судя по состоянію его нервной системы, онъ, повидимому, ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ, вообще лишенъ (по крайней мѣрѣ, въ первые часы и дни послѣ рожденія) какого бы то было было сознанія. И если, тѣмъ не менѣе, онъ обнаруживаетъ тотчасъ же послѣ рожденія цѣлый рядъ разнообразныхъ движеній, то движенія эти слѣдуетъ признать чисто бессознательными.

Значительная часть этихъ движеній можетъ быть отнесена къ типу рефлексовъ, т.-е. такихъ случаевъ, когда раздраженіе,

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у проф. И. А. Сикорскаго: Душа ребенка. Энциклопедія семейнаго воспитанія. Вып. XXX—XXXII.

не проникая въ сознание, непосредственно влечетъ за собой сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ. Такъ, напр., первый крикъ новорожденнаго при появленіи на свѣтъ происходитъ не оттого, чтобы ему было холодно или больно, а оттого, что внезапное охлажденіе окружающей среды и грубое прикосновеніе рукъ и различныхъ другихъ предметовъ раздражаетъ его кожу. Раздраженіе это непосредственно передается центрамъ двигательныхъ и голосовыхъ органовъ, въ результатъ чего и являются крики ребенка. Это — типъ сложнаго рефлекса. Головной мозгъ не принимаетъ здѣсь никакого участія, а слѣдовательно, о сознаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Таковыми же сложными рефлексами представляются многія движенія ребенка въ первые дни и недѣли послѣ его рожденія. Сильный свѣтъ, внезапно упавшій на его лицо, заставляетъ его зажмуриваться. Если свѣтъ не особенно силенъ (напр., при поднесеніи къ лицу свѣчки), то глазныя яблоки поворачиваются въ направленіи къ нему и зрачки суживаются. Движенія эти чисто рефлекторны и вполне безсознательны. При передвиженіи свѣчи ребенокъ не слѣдуетъ за ней глазами; онъ остается неподвижнымъ, и взоръ его попрежнему тупо устремленъ въ пространство, въ томъ направленіи, гдѣ ранѣе была свѣча. Только къ концу перваго мѣсяца вырабатывается способность слѣдить глазами за источникомъ свѣта, причемъ лицо, какъ говоритъ Прейеръ, «внезапно получаетъ поразительно интеллигентное, до тѣхъ поръ не наблюдавшееся выраженіе».

Чисто рефлекторный характеръ носятъ также тѣ движенія, которыя вызываются у дѣтей внезапнымъ шумомъ или быстрымъ появленіемъ передъ ихъ глазами какого-нибудь предмета, — и которыя соотвѣтствуютъ выраженію испуга у взрослыхъ: ребенокъ вздрагиваетъ, протягиваетъ впередъ руки; въ началѣ остается безмолвнымъ, а затѣмъ раздражается громкимъ крикомъ. Въ первые дни послѣ рожденія рефлексъ этотъ, подобно нѣкоторымъ другимъ (напр., болевому), еще отсутствуетъ. Зато другія рефлекторныя движенія, какъ, напр., чиханіе, глотаніе, различныя выдѣленія свойственны ребенку съ первыхъ же часовъ его жизни.

На ряду съ рефлексами, нѣкоторые авторы различаютъ еще одинъ видъ движеній, такъ называемыя импульсивныя. Рефлекторное движеніе не можетъ возникнуть само собой; для этого требуется непременно, чтобы ребенокъ получилъ какое-нибудь раздраженіе извнѣ. Между тѣмъ импульсивныя движенія возникаютъ вполнѣ самопроизвольно. Источникомъ ихъ являются физико-химическіе процессы (кровообращеніе, питаніе, обмѣнъ веществъ), происходящіе непрерывно въ низшихъ мозговыхъ центрахъ новорожденнаго и ведущіе къ накопленію нервной энергіи, которая отъ времени до времени разряжается при помощи беспорядочныхъ, разрозненныхъ движеній въ различныхъ органахъ тѣла.

Сюда относятся такія движенія, какъ повторное сгибаніе и разгибаніе рукъ и ногъ (аналогичное движеніямъ, которыя ребенокъ производилъ еще въ утробѣ матери), растопыриваніе пальцевъ, взвизгиванье и разныя другія упражненія голоса, гримасы, хлопанье руками по сторонамъ и проч. Всѣ эти движенія совершенно безцѣльны и не вызываются никакими внѣшними раздраженіями. Нѣкоторые изъ нихъ начинаются еще до появленія ребенка на свѣтъ, достигаютъ наибольшаго развитія въ первые мѣсяцы его жизни, а затѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ сознательныхъ волевыхъ актовъ, мало-по-малу исчезаютъ. У взрослого импульсивныя движенія обнаруживаются лишь изрѣдка, главнымъ образомъ во время сна.

Какъ рефлекторныя, такъ и импульсивныя движенія большею частью крайне несложны, примитивны и, кромѣ того, не имѣютъ опредѣленной, ясно выраженной цѣли. Въ противоположность этому, инстинктивныя движенія отличаются большой сложностью и несомнѣнной цѣлесообразностью, такъ какъ всегда служатъ къ удовлетворенію какой-либо потребности организма. Сюда относятся, напр., такіе двигательные акты, связанные съ утоленіемъ голода, какъ способность сосать, жевать, откусывать твердую пищу, лизать и пр. Далѣе, различныя сложныя движенія конечностей, какъ хватанье, ходьба, лазанье, а также сложныя мышечныя сокращенія, необходи-

мыя для того, чтобы поддерживать тѣло въ равновѣсіи: способность прямо держать голову, сидѣть, стоять и т. п.

Всѣ эти роды движеній были постепенно выработаны и усвоены нашими предками, какъ крайне полезныя въ борьбѣ за существованіе. Передаваясь уже въ готовомъ видѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, они, такимъ образомъ, являются наследственными и болѣе или менѣе сходными у всѣхъ маленькихъ дѣтей. Правда, далеко не всѣ инстинкты обнаруживаются тотчасъ послѣ появленія ребенка на свѣтъ. Большинство ихъ начинаетъ проявляться значительно позже, спустя мѣсяцы или даже многіе годы послѣ рожденія (половой инстинктъ). Однако, свести ихъ всецѣло къ подражанію или выучкѣ представляется совершенно невозможнымъ. Такія движенія, какъ сосанье, ходьба, хватаніе, развиваются у всѣхъ здоровыхъ дѣтей безъ исключенія, причѣмъ наличность или отсутствіе благоприятныхъ условій (примѣръ, помощь старшихъ) только ускоряетъ или замедляетъ ихъ появленіе, дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе совершенными, но не можетъ существенно измѣнить ихъ характеръ.

Наиболѣе типичнымъ сложнымъ инстинктивнымъ движеніемъ является сосанье. Будучи необходимо для поддержанія жизни ребенка, оно обнаруживается въ сравнительно совершенной формѣ уже въ первые часы послѣ его рожденія. Если новорожденному приложить къ губамъ палець, соску, вообще какой бы то ни было округленный предметъ, не холодный и не очень горькій, то онъ тотчасъ начинаетъ сосать его. То же дѣлаютъ, согласно наблюденіямъ нѣкоторыхъ авторовъ, животныя, лишеныя головного мозга и человѣческіе уродцы, родившіеся безъ головного мозга, и жившіе нѣсколько дней въ такомъ состояніи. Отсюда ясно, что движеніе это можетъ совершаться безъ всякаго участія сознанія. Въ то же время его нельзя назвать и чисто рефлекторнымъ. Прикосновеніе къ губамъ ребенка не всегда вызываетъ актъ сосанія, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ голоденъ. Очевидно, движеніе это, какъ и всѣ инстинктивныя движенія, возникаетъ только тогда, когда существуетъ потребность организма, на удовле-

твореніе которой это движеніе направлено, въ данномъ случаѣ—голодъ.

Въ противоположность акту сосанья, другія инстинктивныя движенія развиваются нѣсколькими мѣсяцами позже, когда у ребенка появились уже первые проблески сознанія, когда онъ уже началъ видѣть окружающіе предметы, слышать звуки и чувствовать прикосновенія. Надо сказать, что задержка въ развитіи происходитъ здѣсь вовсе не оттого, чтобы соотвѣтствующіе мускулы были въ это время еще недостаточно развиты. Ребенокъ, который не можетъ еще поддерживать прямо своей головы, дѣлаетъ, тѣмъ не менѣе, ея быстрыя движенія по сторонамъ, когда его прикладываютъ къ груди. Значитъ, мускулы, управляющіе движеніями головы, развиты у него достаточно, но они еще не повинуются волѣ настолько, чтобы держать голову прямо и не давать ей запрокидываться назадъ или въ сторону. Получается то же, что у взрослога, котораго одолѣваетъ дремота до того, что онъ никакъ не можетъ удерживать прямо своей головы и поминутно «клюетъ носомъ».

Такъ какъ сложныя инстинктивныя движенія — хватанье, ползанье, ходьба—развиваются сравнительно поздно (во второй половинѣ 1-го и даже въ началѣ 2-го года), то они уже въ значительной степени подчинены контролю сознанія, будучи направляемы желаніями ребенка и служа такъ или иначе выполненію его воли. Собственно говоря, на нихъ именно и начинаеть впервые вырабатываться воля ребенка. Онъ увидѣлъ блестящую игрушку, поразившую его зрѣніе, и съ широко раскрытыми глазами уставился на нее; благодаря возбужденію, онъ движется, издаетъ неясные звуки, водить по сторонамъ руками. Случайно одна изъ рукъ задѣваетъ игрушку и сваливаетъ ее на полъ; получается шумъ, доставляющій ему удовольствіе. Если это повторится нѣсколько разъ подъ рядъ, то въ сознаніи его устанавливается смутная ассоціація между извѣстнымъ движеніемъ руки и связаннмъ съ нимъ приятнымъ шумомъ отъ паденія игрушки. Видъ игрушки вызываетъ въ немъ эту ассоціацію и заставляетъ его уже сознательно произвести соотвѣтствующее движеніе рукой. Начало сдѣлано,

внѣшнее произвольное дѣйствіе въ его простѣйшей формѣ осуществилось.

Для того, чтобы движеніе могло быть названо сознательнымъ и произвольнымъ, необходимо, чтобы оно удовлетворяло слѣдующимъ условіямъ. Прежде всего, должна сознаваться болѣе или менѣе ясно конечная цѣль движенія. Въ предыдущемъ примѣрѣ такую цѣлью представлялся шумъ отъ паденія игрушки, такъ повравившійся ребенку. Воспоминаніе объ этомъ шумѣ заставляеть ребенка повторить разъ продѣланный опытъ. Второе условіе—память сдѣланнаго ранѣе движенія или, другими словами, воспомнаніе о тѣхъ мышечныхъ ощущеніяхъ, которыми сопровождалось это движеніе. Когда наша рука, движется сокращающіяся мышцы и трущіяся другъ о друга суставныя поверхности раздражаютъ заложенныя въ нихъ нервныя окончанія и даютъ намъ рядъ мышечныхъ ощущеній. Кромѣ того, взоръ нашъ также слѣдуетъ за движеніемъ руки и запоминаеть его. Все это вмѣстѣ образуетъ въ нашемъ умѣ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о каждомъ совершенномъ нами движеніи. Для того, чтобы по произволу повторить это движеніе, необходимо предварительно вспомнить его, хотя бы воспомнаніе это было и не особенно яснымъ.

Итакъ, всякому произвольному, сознательному движенію предшествуетъ болѣе или менѣе ясное представленіе какъ самаго движенія, такъ и той цѣли, къ которой оно направлено. Есть еще одинъ признакъ, присущій, однако, не всѣмъ произвольнымъ движеніямъ ребенка и появляющійся лишь сравнительно позднѣе. Это—возможность по произволу задерживать, подавлять уже начавшіяся движенія. Появленіе этой способности представляетъ чрезвычайно важную степень въ развитіи воли ребенка и поэтому мы еще будемъ имѣть случай говорить о ней особо.

Постепенное развитіе воли въ примѣненіи къ двигательной сферѣ ребенка можно прослѣдить очень хорошо на нѣкоторыхъ сложныхъ инстинктивныхъ движеніяхъ, напр., на тѣхъ, которыя требуются для захватыванія рукой небольшихъ предметовъ. Движенія эти можно наблюдать въ зачаточномъ видѣ

уже въ первые мѣсяцы жизни. Если прикоснуться пальцемъ къ ладони спящаго грудного младенца, то можно нерѣдко видѣть, какъ пальчики его согнутся и обхватятъ лежащій на ладони палець. Это — чистый рефлексъ. Прикосновеніе къ ладони непосредственно повлекло за собой сокращеніе соответствующихъ мышечныхъ группъ; все это произошло помимо сознанія ребенка и совершенно независимо отъ того, какое значеніе могло для его организма имѣть обхватываніе чужого пальца.

Но вотъ ребенокъ начинаетъ дѣлаться болѣе сознательнымъ. Онъ различаетъ блестящіе предметы, видъ которыхъ ему нравится. У него является желаніе приблизить ихъ къ себѣ и засунуть въ ротъ, такъ какъ ротъ для грудного младенца служитъ источникомъ наибольшаго удовольствія. Однако, осуществить это желаніе на первыхъ порахъ никакъ не удастся, и именно—по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не знаетъ еще, какія движенія нужно совершить для того, чтобы предметъ попалъ въ ротъ; представленіе о необходимыхъ движеніяхъ у него отсутствуетъ. Во-вторыхъ, самыя движенія у него еще не выработаны достаточно; руки не слушаются, отдѣльныя мышечныя сокращенія, входящія въ составъ сложнаго акта хватанія, еще недостаточно между собой связаны или, какъ говорятъ, недостаточно координированы.

Первый недостатокъ устраняется довольно быстро. При видѣ нравящагося предмета ребенокъ начинаетъ беспорядочно двигать руками. Во время этихъ движеній ладонь съ растопыренными пальцами случайно прикасается къ предмету и чисто рефлекторнымъ образомъ обхватываетъ и удерживаетъ его, доставляя этимъ своему обладателю большое удовольствіе. Послѣ того, какъ опытъ этотъ продѣланъ два-три раза, ребенокъ уже сознательно тянется руками къ нравящемуся предмету, чтобы захватить его. Не такъ легко дается координація движеній. Недѣли и даже мѣсяцы требуются для того, чтобы научиться противопоставлять большой палець всѣмъ остальнымъ, безъ чего захватываніе предметовъ представляется почти невозможнымъ. Протянутая рука никакъ не можетъ сразу достать предметъ, то попадая мимо, то не дохватывая до него.

Только на 5-мъ приблизительно мѣсяцѣ начинаютъ наблюдаться первые удачные, но далеко еще не совершенные случаи произвольнаго захватыванія предметовъ.

Интересно, что эти первые удачные случаи требуютъ наибольшей сознательности, наибольшаго сосредоточенія вниманія, о чемъ можно судить хотя бы по тому напряженію, съ которымъ ребенокъ слѣдитъ за объектомъ. Чѣмъ чаще повторяется актъ захватыванія, тѣмъ болѣе онъ совершенствуется, но зато и тѣмъ бессознательнѣе онъ становится. Въ концѣ концовъ ясно сознается только цѣль движенія, тогда какъ самое движеніе совершается механически, полусознательно. Такъ бываетъ у всѣхъ взрослыхъ людей.

Здѣсь повторяется то же самое, что можно наблюдать у всякаго человѣка, старающагося усвоить себѣ какой-нибудь новый, незнакомый ему родъ движеній, напр., игру на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ. Въ началѣ каждое отдѣльное нажатіе струны, каждое движеніе смычка сознается имъ отдѣльно отъ другихъ и требуетъ особаго усилія воли. Между тѣмъ, опытному музыканту стоитъ только взять въ руки смычокъ и скрипку, вспомнить какую-нибудь мелодію, — и звуки польются «сами собой». Различіе между взрослымъ и ребенкомъ состоитъ лишь въ томъ, что у взрослого новыя движенія, которымъ онъ обучается, являются съ самаго начала сознательными и произвольными. Между тѣмъ ребенокъ долженъ пройти сначала періодъ рефлекторныхъ и импульсивныхъ движеній, происходящихъ большею частью безъ участія сознанія и подготовляющихъ, такъ сказать, почву, на которой должны затѣмъ выработаться сложные, координированные произвольные акты. Слѣдующій же, конечный, періодъ, во время котораго эти сложные произвольные акты, благодаря привыканію, становятся все менѣе и менѣе сознательными, свойственъ одинаково какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ.

Надо замѣтить, что все сейчасъ сказанное относится не только къ двигательной сферѣ, но и ко всякому вообще при-мѣненію волевого усилія, будетъ ли оно направлено на усиленіе нашей внѣшней дѣятельности или, наоборотъ, на подавле-

ніе и задержку вредныхъ, нежелательныхъ мыслей. Когда мы стараемся при помощи волевого усилія придать нашимъ мыслямъ новое, необычное для нихъ теченіе, то въ началѣ этого удается достигнуть лишь съ большимъ трудомъ и при полномъ сосредоточеніи вниманія. Такъ бываетъ, напр., когда человѣкъ по необходимости берется за изученіе новой неинтересной для него и трудной науки. Ему приходится поминутно ловить себя самого на желаніи отвлечься, помечтать о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ. То и дѣло приходится «брать себя въ руки» для того, чтобы внимательно слѣдить за рядомъ запутанныхъ разсужденій или сложныхъ выкладокъ. Однако, послѣ нѣсколькихъ дней сосредоточенной работы, такое постоянное вмѣшательство сознательнаго волевого усилія дѣлается уже излишнимъ: механизмъ работы усвоенъ, мысль привыкла работать въ извѣстномъ направленіи, и стоитъ только сѣсть за работу, чтобы она пошла «сама собой». Подобные случаи можно наблюдать какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ, а важное педагогическое значеніе ихъ давно уже оцѣнено всѣми, кто сколько-нибудь интересовался дѣломъ воспитанія.

Итакъ, начиная приблизительно со второй половины перваго года, у ребенка уже появляется способность къ сознательнымъ, произвольнымъ движеніямъ. Само собою разумѣется, что движенія эти въ началѣ представляются крайне несовершенными. Отсутствіе опыта, который указывалъ бы, какое именно движеніе слѣдуетъ произвести въ каждомъ данномъ случаѣ для наилучшаго достиженія цѣли; слабое развитіе координаціи, взаимной согласованности отдѣльныхъ мышечныхъ сокращеній; недостаточно развитое вниманіе, не позволяющее сосредоточиться на выполненіи какого-нибудь одного труднаго движенія, — всѣ эти условія сильно затрудняютъ выработку у ребенка сложныхъ произвольныхъ двигательныхъ актовъ.

Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, благодаря которому сознательныя движенія ребенка значительно отличаются отъ таковыхъ же у взрослоаго. Дѣло въ томъ, что дѣти, особенно въ первые годы жизни, слишкомъ мало еще имѣютъ своего и слишкомъ много получаютъ извнѣ, какъ въ физиче-

скомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. За исключеніемъ небольшого числа инстинктивныхъ, чисто органическихъ влеченій, необходимыхъ для поддержанія жизнедѣятельности организма, годовалый ребенокъ не имѣетъ почти никакихъ собственныхъ желаній и стремленій, симпатій или антипатій. Личность его еще не сложилась, и онъ жадно черпаетъ отовсюду тотъ матеріалъ, который можетъ способствовать развитію его «я». Отсюда происходитъ сравнительная рѣдкость произвольныхъ, обдуманнѣйшихъ дѣйствій въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Отсюда—крайнее обиліе дѣйствій подражательныхъ, заимствованныхъ извнѣ и воспроизведенныхъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были подмѣчены.

Подражательныя движенія на второмъ году жизни дѣлаются чрезвычайно многочисленны. Стоитъ ребенку подмѣтить у кого-нибудь изъ взрослыхъ новое, незнакомое для него движеніе, жестъ, гримасу, — и онъ тотчасъ же воспроизводитъ ихъ съ точностью маленькой обезьяны. Я живо помню одинъ случай, вызвавшій всеобщее смущеніе окружающихъ, когда маленькая дѣвочка вошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ важный гость, страдавшій нервнымъ подергиваніемъ лица (*tic convulsif*), и, ставши противъ него, съ пресерьезнымъ видомъ начала подражать его гримасамъ. Все, что дѣлаютъ взрослые, непременно долженъ продѣлать и ребенокъ: онъ вмѣстѣ съ ними стряпаетъ обѣдъ, ходитъ на базаръ (разумѣется, не выходя изъ своей комнаты), пишетъ ученые книги, играетъ на всевозможныхъ инструментахъ. Всѣ эти подражательныя дѣйствія не только доставляютъ ребенку источникъ безконечно разнообразныхъ игръ и развлеченій, но имѣютъ также и огромное воспитательное значеніе. Отъ нихъ зависитъ въ значительной степени то направленіе, въ которомъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе характера ребенка. Поэтому-то окружающая среда, примѣръ старшихъ играютъ такую важную роль въ дѣлѣ воспитанія.

Интересно, что въ своемъ подражаніи окружающимъ ребенокъ иногда до такой степени точно копируетъ ихъ жесты, манеры, гримасы, интонацію голоса, что далеко не всякій взрослый сумѣетъ сдѣлать то же самое. Жизнь выработала

въ каждомъ изъ насъ свои собственныя привычки и манеры; отрѣшиться отъ нихъ, хотя бы на нѣсколько моментовъ, и проникнуться всецѣло характеромъ другого человѣка для насъ, взрослыхъ, представляется дѣломъ не легкимъ. Дѣти же, хотя и не являются настоящей *tabula rasa* (чистой доской), какъ это думали раньше, все же обладаютъ гораздо большей восприимчивостью по отношенію ко всякому примѣру, ко всякому внѣшнему вліянію. Вообще, подражательныя движенія, какъ и всѣ подражательныя дѣйствія, могутъ совершаться при слабомъ сравнительно развитіи сознательнаго волевого усилія. Можно даже сказать, что воля въ большинствѣ случаевъ мѣшаетъ удачному подражанію, по крайней мѣрѣ, у дѣтей младшаго возраста. 1¹/₂-годовой мальчикъ, съ трудомъ выговаривающій отдѣльныя слова и короткія несвязныя предложенія, вдругъ повторяетъ совершенно правильно цѣлую фразу, сказанную въ его присутствіи однимъ изъ взрослыхъ. Онъ самъ не знаетъ, какъ это у него вышло, и воспроизводя ту же фразу во второй разъ, нарочно, произноситъ ее уже далеко не такъ гладко, какъ прежде.

Подражательныя дѣйствія представляютъ собой какъ бы переходную ступень отъ періода инстинктивно-рефлекторнаго къ періоду сознательно-волевому. Всѣ они безъ исключенія уже сознательны. Для того, чтобы воспроизвести чужое движеніе, необходимо ясно видѣть и внимательно наблюдать его. Но въ то же время воля, въ смыслѣ сознательнаго волевого усилія, участвуетъ здѣсь въ очень слабой степени. Не даромъ склонность къ подражанію, отсутствіе самостоятельности составляетъ у взрослыхъ людей одинъ изъ отличительныхъ признаковъ «слабости характера». Не даромъ въ первые годы жизни, когда сознательная воля существуетъ еще только въ зародышѣ, склонность къ подражанію сказывается съ такой силой, какъ никогда впоследствии.

Очень важнымъ этапомъ въ развитіи воли у дѣтей слѣдуетъ считать появленіе задерживающей способности по отношенію къ рефлексамъ. Благодаря отсутствію задержки со стороны мозговой коры, рефлексы у грудныхъ дѣтей бываютъ

выражены значительно рѣзче, чѣмъ у взрослыхъ. Малѣйшаго повода достаточно для того, чтобы вызвать у нихъ мѣстныя, а иногда даже и общія судороги. Только къ концу перваго года появляются признаки задержки, сказывающіеся прежде всего въ способности управлять своими естественными выдѣленіями. Ребенокъ крикомъ даетъ знать о томъ, что раздраженіе пузыря или кишки достигло уже значительной степени; въ то же время смутное воспоминаніе о тѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, которыя всякій разъ слѣдовали за выдѣленіемъ, когда оно происходило безпрепятственно, заставляетъ его стараться сдерживать рефлексъ, что въ концѣ концовъ ему и удается.

Въ этомъ актѣ задержки, какимъ бы элементарнымъ и низменнымъ онъ намъ ни представлялся, слѣдуетъ, тѣмъ не мене, видѣть зародышъ внутренняго волевого усилія. Воля направлена здѣсь не на движеніе, а на его задержку—дѣйствіе, во всякомъ случаѣ, болѣе высокаго порядка, чѣмъ непосредственный двигательный импульсъ. Въ то же время непріятное чувство, заставляющее ребенка кричать и побуждающее его немедленно удовлетворить своей потребности, сталкивается съ другимъ, противоположнымъ чувствомъ, побуждающимъ къ задержкѣ, и подчиняется этому послѣднему. Все это такія черты, которыя характеризуютъ собою внутреннее волевое дѣйствіе и для осуществленія которыхъ необходима, хотя бы въ зачаточной степени, наличность чувствованій и связанныхъ съ ними представленій.

О значеніи представленій мы уже говорили выше. Для того, чтобы дѣйствіе было сознательнымъ и произвольнымъ, необходимо ясно представлять себѣ какъ цѣль, къ которой мы стремимся, такъ и тѣ средства (движенія, слова, поступки), которыя необходимы для ея достиженія. Что же касается роли чувствованій, то о ней нужно поговорить подробнѣе.

II.

Развитіе чувствованій и воли.

Чувства появляются у ребенка, повидимому, очень рано. Смутныя, неясныя, связанныя прежде всего съ утоленіемъ или неутоленіемъ такихъ животныхъ потребностей, какъ ѣда, сонъ и др., они ясно обнаруживаются уже въ теченіе первыхъ недѣль жизни. Крикъ ребенка, вначалѣ, какъ мы видѣли, чисто рефлекторный, начинаетъ постепенно дѣлаться все болѣе и болѣе сознательнымъ, становясь первой и важнѣйшей реакціей ребенка на всѣ непріятныя раздраженія, каковы голодъ, холодъ, пеленанье, боль и т. п. Въ то же время пріятныя ощущенія также начинаютъ обнаруживаться мимикой, все болѣе и болѣе очевидной. Сытый 2-мѣсячный ребенокъ засыпаетъ съ блаженной миной и съ ясно выраженной улыбкой на губахъ. Теплая ванна, игра на фортепіано заставляетъ нерѣдко грудного ребенка двигаться отъ удовольствія, широко улыбаться и издавать нечленораздѣльные, но тѣмъ не менѣе, очень выразительные радостные звуки.

Нѣкоторые аффекты, какъ, напр., страхъ и удивленіе начинаютъ обнаруживаться уже на первомъ году. Трехмѣсячный младенецъ съ плачемъ откидывается на грудь матери, когда стоящій передъ нимъ отецъ неожиданно надѣваетъ себѣ на голову шляпу. Все новое, незнакомое, если оно къ тому же появляется неожиданно, пугаетъ его. Извѣстно, какъ многія дѣти боятся животныхъ, которыхъ они видятъ впервые, хотя бы впоследствии эти самыя животныя и оказались наилучшими ихъ друзьями. Ребенокъ въ возрастѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пугается даже матери, если она приходитъ къ нему въ необычномъ видѣ—въ высокой шляпѣ или подъ вуалью. Такое же дѣйствіе производятъ на дѣтей громкіе, внезапные шумы или звуки, особенно въ томъ случаѣ, если они исходятъ отъ неподвижно лежавшихъ предметовъ, напр., отъ музыкальныхъ инструментовъ. «Для ребенка, говоритъ Селли,

есть что-то страшное въ томъ, что тихо лежащій предметъ вдругъ производитъ звуки. Гитара, которая лежитъ неподвижно, безобидно, а затѣмъ неожиданно раздражается цѣлой гаммой звуковъ, можетъ совершенно перевернуть представленія ребенка о вещахъ. У одного десятимѣсячнаго ребенка страхъ былъ вызванъ во второй разъ въ жизни новой игрушкой, которая пищала, когда на нее надавливали». Я самъ помню, какъ испуганно убѣждалъ и забился подъ кушетку маленькій котенокъ, когда я въ первый разъ заигралъ передъ нимъ на виолончели; впоследствии, привыкнувъ къ игрѣ, онъ относился къ ней совершенно равнодушно. На этой же почвѣ боязни передъ неизвѣстнымъ развивается впоследствии страхъ темноты, а также всѣ тѣ суевѣрные ужасы передъ мертвецами, привидѣніями, сказочными чудовищами, распространенію которыхъ такъ много способствуетъ чтеніе сказокъ и всякихъ фантастическихъ исторій и приключеній.

Что касается удивленія, то уже на четвертомъ мѣсяцѣ можно наблюдать характерные его признаки: неподвижную позу, разинутый ротъ и широко раскрытые глаза, устремленные на предметъ, вызвавшій удивленіе. Всякое новое впечатлѣніе, яркое и сильное, если только оно не пугаетъ ребенка, вызываетъ у него симптомы изумленія и фиксацію взглядомъ. Интересно замѣчаніе Прейера, что къ концу второго года симптомы крайняго изумленія, только что нами описанные, наблюдаются уже значительно рѣже, чѣмъ прежде. По крайней мѣрѣ, относительно раскрытія рта можно сказать это съ увѣренностью. Ребенокъ начинаетъ уже понемногу осваиваться среди той массы незнакомыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которая, какъ изъ рга избылія, сыпалась на него въ первое время. Маленькій домашній мірокъ, среди котораго онъ вращается, сдѣлался уже своимъ, знакомымъ, и удивляться въ немъ больше нечему. Кромѣ того, даже незнакомые предметы не вызываютъ уже такого сильнаго чувства или, вѣрнѣе, такихъ сильныхъ его проявленій. Произвольное вниманіе къ этому времени начинаетъ уже понемногу вырабатываться и для фиксаціи его не требуется такихъ сильныхъ возбудителей, какъ чувство уди-

вленія или страха. Въ первые мѣсяцы и годы жизни чувство удивленія значительно способствуетъ ознакомленію ребенка съ внѣшнимъ міромъ. Чувство это даетъ ему возможность сосредоточить свое вниманіе—въ общемъ крайне подвижное, поверхностное и неустойчивое—на всякомъ новомъ предметѣ съ такой силой и продолжительностью, которая необходима для ознакомленія съ этимъ предметомъ. Впослѣдствіи же, по мѣрѣ того, какъ вниманіе все болѣе и болѣе подчиняется волѣ своего обладателя, чувство удивленія теряетъ значительную долю своей полезности и мало-по-малу дѣлается менѣе рѣзко выраженнымъ.

Имѣются, наконецъ, данныя, указывающія на то, что гнѣвъ и ревность могутъ проявляться у самыхъ маленькихъ дѣтей и притомъ съ такою силой, которая не часто наблюдается даже и у взрослыхъ. Маленькая семимѣсячная дѣвочка, по словамъ Перэ, «не могла видѣть никакого другого ребенка у груди матери, не морща бровей, не дѣлая гримасъ, не багровѣя, не топя ногами и, наконецъ, не плача; все это были признаки ревности и гнѣва вмѣстѣ».

Итакъ, уже на первомъ, а тѣмъ болѣе на второмъ году у дѣтей существуютъ достаточно сильныя чувства, которыя и могли бы, казалось, руководить ихъ дѣйствіями. Однако, такое непосредственное выполненіе желаній, такое непосредственное вліяніе чувствъ на движенія и поступки ребенка вначалѣ не можетъ осуществиться по той простой причинѣ, что не выработанъ еще механизмъ, соединяющій желаніе съ движеніемъ, чувство съ волей. Грудной младенецъ, если его неудобно положили, можетъ надорваться отъ крика и все-таки не сумѣетъ улечься такъ, чтобы ему было удобнѣе. Поэтому въ первые мѣсяцы жизни наблюдатель можетъ отмѣтить у ребенка только непосредственныя, внѣшнія проявленія аффектовъ: крики, беспорядочныя движенія, гримасы, покраснѣніе лица и всего тѣла. Что же касается болѣе сложныхъ, отдаленныхъ послѣдствій испытаннаго чувства, что касается его вліянія на волю и поступки ребенка, то это дѣлается возможнымъ только тогда, когда появится двигательный механизмъ, на который могутъ вліять чувствованія, когда выработаются тѣ сложныя коорди-

нированные движенія, которыми преимущественно обнаруживается въ данный періодъ жизни воля ребенка. Только тогда (т.-е., обыкновенно не ранѣе второго, третьяго года жизни) у ребенка начинаетъ замѣчаться рядъ цѣлесообразныхъ и вполне произвольныхъ дѣйствій и поступковъ, сознательно и опредѣленно направленныхъ на удовлетвореніе его желаній и намѣреній.

Можно установить нѣкоторый параллелизмъ между развитіемъ воли и чувствованій у дѣтей. Какъ тамъ, такъ и здѣсь замѣчается постепенный переходъ отъ низшаго къ высшему, отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному. Въ волевой сферѣ первоначально наблюдаются только низшія, бессознательныя или полусознательныя движенія—импульсивныя, рефлекторныя и инстинктивныя. Сознательныя, произвольныя и координированныя движенія, а тѣмъ болѣе способность къ двигательной задержкѣ являются уже значительно позже. Точно такъ же и въ области чувствованій, прежде всего возникаютъ чувства и аффекты низшаго порядка: удовольствія и неудовольствія, связанные съ удовлетвореніемъ различныхъ чувственныхъ потребностей, далѣе—страхъ, гнѣвъ, удивленіе, ревность и т. п. Другія же эмоціи высшаго порядка, какъ интересъ, симпатія, чувство долга, развиваются значительно позже, когда умственная и волевая сфера также уже подымутся на соответствующую высоту.

Въ началѣ жизни, особенно въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, ребенокъ по своимъ запросамъ и потребностямъ чрезвычайно напоминаетъ собой маленькое животное, звѣреныша въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, нѣкоторые авторы склонны ужъ слишкомъ принижать ребенка въ этомъ отношеніи, исходя, къ тому же, не столько изъ фактовъ, сколько изъ различныхъ теоретическихъ предположеній. «По словамъ Комперэ, самыя худшія вещи о дѣтяхъ были высказаны холостякомъ Ла-Брюйеромъ и епископомъ Дюпанлу». Однако, и авторы, болѣе другихъ расположенные къ маленькому человѣческому существу, не могутъ не признать въ подобныхъ утвержденіяхъ значительной доли истины.

Прежде всего бросается въ глаза крайній эгоизмъ, первобытный эгоизмъ маленькаго звѣренъша. Всякое желаніе должно быть немедленно удовлетворено, иначе тотчасъ же подымается крикъ, а у старшихъ дѣтей—слезы и стремленіе ударить окружающихъ. Когда голодный ребенокъ сосетъ грудь матери или ѣсть кашку, то попробуйте помѣшать ему въ этомъ занятіи и вы встрѣтите самый энергичный отпоръ съ его стороны. Тиранническая потребность пищи, всецѣло господствующая надъ человѣкомъ на первомъ году его жизни, не терпитъ никакихъ ограниченій, никакихъ задержекъ и должна быть удовлетворена во чтобы то ни стало. Мало того. Не только желанія ребенка должны удовлетворяться, но также никто не смѣетъ удовлетворять своихъ желаній безъ него и помимо его участія. Зависть и ревность проявляются у очень многихъ маленькихъ дѣтей ничуть не меньше, чѣмъ у взрослыхъ. Они не могутъ выносить, чтобы другія дѣти ѣли лакомства въ ихъ присутствіи и играли ихъ игрушками, чтобы ихъ мать разговаривала съ другими дѣтьми и ласкала ихъ. Инстинктъ самосохраненія требуетъ обезпечить себѣ возможно больше лакомства, ѣды и игрушекъ, а для этого, согласно примитивной логикѣ животныхъ и маленькихъ дѣтей, надо все оставлять для одного себя и никому ничего не давать.

Даже зачатки симпатіи носятъ въ этомъ возрастѣ такой же оттѣнокъ чистаго эгоизма. Маленькія дѣти любятъ только тѣхъ, кто ихъ кормитъ, ласкаетъ, играетъ съ ними. У меня былъ котенокъ, который каждый день утромъ передъ тѣмъ, какъ его кормили, становился особенно ласковымъ, мурлыкалъ, охотно шелъ на колѣни. Послѣ кормежки онъ засыпалъ, а затѣмъ, въ теченіе остальнаго дня, относился къ хозяевамъ весьма равнодушно. Даже самые ревностные защитники дѣтей едва ли рѣшатся утверждать, что у этихъ милыхъ крошекъ не бываетъ ничего подобнаго.

Однако, было бы грубой ошибкой съ нашей стороны видѣть въ этомъ наивномъ, первобытномъ дѣтскомъ эгоизмѣ то самое сознательное противопоставленіе своихъ интересовъ чужимъ, которое такъ отталкиваетъ насъ въ эгоистахъ взрослыхъ. Бо-

гатый человѣкъ, отнимающій у неимущаго послѣднюю рубашку, прекрасно знаетъ, что такое нужда, голодь и холодъ, онъ ясно представляетъ себѣ, какія муки и лишенія долженъ испытывать тотъ, кого онъ ограбилъ. И однако всѣ эти представленія вызываютъ въ немъ лишь желаніе воспользоваться чужими лишеніями для своихъ цѣлей. Ребенокъ не обладаетъ жизненнымъ опытомъ и достаточнымъ воображеніемъ для того, чтобы представить себѣ чувства другихъ людей и понять, что они, подобно ему, также имѣютъ свои нужды и желанія. Онъ плохо помнитъ даже свои собственныя, ранѣе пережитыя, радости и несчастія, — гдѣ же ему думать еще о чужихъ! Именно поэтому наивный эгоизмъ дѣтей представляется для насъ вполне естественнымъ и извинительнымъ.

То же слѣдуетъ сказать и о проявленіяхъ злости, о наклонности къ мучительству и разрушенію. «Сей возрастъ жалости не знаетъ», повторяютъ вслѣдъ за баснописцемъ строгіе судьи дѣтской психики. И всякій, кто видѣлъ, какъ усердно мучаютъ дѣти добродушныхъ, беззащитныхъ собакъ и кошекъ, какъ они отрываютъ крылья и лапки мухамъ и бабочкамъ, разоряютъ птичьи гнѣзда и швыряютъ, чѣмъ попало, въ тѣхъ, кто передъ ними провинился, — не могутъ не согласиться съ этимъ суровымъ приговоромъ.

Однако, и здѣсь необходимы большія оговорки. Во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ гнѣва и мучительства лишь очень рѣдко можно подмѣтить признаки настоящей, сознательной злости, желанія нанести другому какъ можно большій вредъ, удовольствія при видѣ страданій другого. Наслажденіе чужими страданіями, сознательная, утонченная жестокость совершенно несвойственны маленькому ребенку. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ побудительной причиной являются разныя побочныя соображенія: любознательность, стремленіе къ обладанію и т. п. Ребенокъ съ такимъ же любопытствомъ отрываетъ мухѣ лапки и крылья, съ какимъ онъ отламывалъ колеса и трубу у игрушечнаго паровоза, желая изучить его во всѣхъ подробностяхъ. Страданія же мухи, выражающіяся въ ея отчаянныхъ движеніяхъ и жужаньи, слишкомъ мало ему понятны для того, чтобы

возбудить въ немъ чувство жалости. Что жестокость дѣтей не тождественна съ жестокостью взрослыхъ, на это указываютъ многочисленные факты, когда жестокость эта тѣсно переплеталась съ самымъ нѣжнымъ состраданіемъ. Я близко зналъ одного мальчика, который такъ разсердился на своего двоюроднаго брата, бившаго дворовую собаку, что бросилъ въ него ножницами и поранилъ ему ногу. Жалость къ собакѣ вызвала сильный гнѣвъ, во время котораго ребенокъ уже не думалъ о послѣдствіяхъ. Узнавши объ этомъ случаѣ, знакомый педагогъ, человѣкъ внимательный и добрый, рѣшилъ, что мальчикъ этотъ неисправимъ и нравственно испорченъ. Къ счастью, предсказаніе провалилось самымъ блестящимъ образомъ.

Но вотъ ребенокъ дѣлается старше, опытнѣе. Мало-по-малу у него вырабатывается способность не только непосредственно переживать различныя чувства, но также и воспроизводить ихъ въ своей памяти, рисовать ихъ въ своемъ воображеніи. Благодаря этому, является возможность сочувствовать радостямъ и страданіямъ близкихъ людей, т.-е. испытывать, хотя бы въ слабой степени, тѣ же самыя чувства, которыя проявляютъ окружающіе его люди и животныя. Зарождаются чувства симпатіи и состраданія въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ началѣ, однако, проявленія симпатіи отличаются крайнимъ несовершенствомъ и, если можно такъ выразиться, примитивностью. Они сводятся почти всецѣло къ тому, что дѣти подражаютъ, и притомъ чисто внѣшнимъ образомъ, чувствамъ окружающихъ. Достаточно матери или нянѣ притвориться, будто онѣ плачутъ, — и ребенокъ также начинаетъ хныкать, пока, наконецъ, не расплачется. Находясь въ веселой компаніи взрослыхъ, слушая взрывы хохота и глядя на смѣющіяся лица, ребенокъ также начинаетъ смѣяться, самъ не зная чему. Это — чистое подражаніе, своего рода внушаемость. Когда въ театрѣ или во время лекціи кто-нибудь начнетъ кашлять, то вслѣдъ за нимъ непременно закашляютъ и многіе другіе. Когда завоетъ одна собака, то другая тотчасъ же начинаетъ подвывать ей. Такъ же поступаетъ и ребенокъ, совершенно непро-

извольно подражая плачу, смѣху и другимъ проявленіямъ чувства окружающихъ людей. При этомъ чувство у него если и возникаетъ, то во всякомъ случаѣ вслѣдъ за проявленіями, а никакъ не раньше ихъ. По отношенію къ этимъ случаямъ можно съ увѣренностью принять ту парадоксальную формулу, которую Джемсъ и Ланге считаютъ примѣнимой ко всемъ безъ исключенія чувствованіямъ: мы не потому плачемъ, чтобы испытывали горе, а, наоборотъ, потому испытываемъ горе, что плачемъ.

Мало-по-малу, такого рода «симпатія» начинаетъ переходить въ настоящее сочувствіе. На второмъ, а тѣмъ болѣе на третьемъ, четвертомъ году ребенокъ уже начинаетъ понимать радости и страданія другихъ, начинаетъ вкладывать въ ихъ жесты, мимику и движенія тѣ самыя чувства, которыя онъ самъ испытывалъ въ подобныхъ случаяхъ. Жалобный вой собаки, которую бьютъ, или слезы его няньки, которую чѣмъ-нибудь обидѣли, вызываютъ въ немъ не только слезы состраданія, но также гнѣвное чувство противъ обидчика и желаніе ударить его. Чувство состраданія начинаетъ дѣйствовать на волевою сферу, и ребенокъ старается утѣшить плачущаго, ласкаетъ его, предлагаетъ ему свои лакомства и игрушки, или же начинаетъ помогать ему въ его занятіи. Иногда эти дѣтскія утѣшенія бываютъ очень наивны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательны. Одна маленькая дѣвочка двухъ съ половиною лѣтъ, недавно потерявшая брата, видя горе своей матери, стала утѣшать ее: «ничего, мама, ты получишь лучшаго мальчика. Онъ былъ негодяй».

Недостатокъ опытности сказывается вначалѣ и въ томъ, что ребенокъ сочувствуетъ далеко не всему тому, чему сочувствуетъ взрослый, и, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ область его симпатій шире, чѣмъ у взрослого. Онъ способенъ сочувствовать не только людямъ и животнымъ, но также неодушевленнымъ предметамъ—камнямъ, листьямъ, фигуркамъ, вырѣзаннымъ изъ бумаги. «Восьмилѣтняя дѣвочка принесла своей матери нѣсколько листьевъ, опавшихъ осенью.—Какъ это мило Ф.—сказала мать. Дѣвочка отвѣтила:—Да, мама, я

знала, что ты полюбишь этихъ бѣдняжекъ; я не могла видѣть, какъ они умираютъ на землѣ. Нѣсколько дней спустя, ее нашли стоящей у окна; она смотрѣла въ садъ и горько плакала о множествѣ падающихъ листьевъ»¹⁾. Ей казалось, что умирающіе листья, мокнушіе отъ дождя, валяющіеся на холоду, въ грязи, подъ ногами у всѣхъ проходящихъ, должны испытывать жестокія страданія, и она не могла имъ не сочувствовать.

Извѣстно, какъ дѣти способны привязываться къ нѣкоторымъ домашнимъ животнымъ, какое живѣйшее участіе принимаютъ они въ судьбѣ этихъ послѣднихъ и какъ горько плачутъ, когда ихъ постигаетъ какое-нибудь несчастіе. Въ одномъ изъ разсказовъ Чехова дѣти удивляются тому, какъ могутъ взрослые относиться равнодушно къ такому вопіющему преступленію, какъ поступокъ большой собаки, сожравшей всѣхъ новорожденныхъ котятъ. И состраданіе это вполне понятно. Домашнія животныя такъ близки ребенку, гораздо ближе, чѣмъ взрослые люди. Онъ можетъ играть съ ними и тормошить ихъ, сколько ему угодно. Жизнь ихъ такъ проста, такъ близка и понятна ему,—тогда какъ взрослые, поигравши немного съ нимъ, тотчасъ же опять начинаютъ свои скучные разговоры или садятся за какую-то непонятную работу и сердятся, когда ихъ трогаютъ. Ребенокъ и не подозрѣваетъ того, какъ много дѣлаютъ для него эти взрослые. Онъ еще не въ состояніи понять всю сложность соціальныхъ отношеній и оцѣнить все то значеніе, которое имѣютъ для него мать и отецъ. Пища, одежда, теплая комната,—все это каждый день готово къ его услугамъ, все это само собою разумѣется и не можетъ быть иначе. Къ тому же, это такъ скучно,—мыться, завтракать и обѣдать, когда хочется бѣгать и играть, такъ неприятно въ угоду матери пить горькое лекарство во время болѣзни. А удовольствія, полученныя отъ животныхъ, такъ ясны и понятны.

Къ тому же животныя проявляютъ свои страданія гораздо болѣе наглядно, чѣмъ люди. Когда собаку или кошку бьютъ,

¹⁾ Дж. Селли. Очерки по психологін дѣтства.

онѣ визжать, лаютъ, мяукаютъ, царапаются, забиваются въ уголь, т.-е. дѣлаютъ, въ сущности, совершенно то же, что дѣлаетъ и ребенокъ въ подобныхъ случаяхъ. Это, по крайней мѣрѣ, ясно. А для того, чтобы понять страданія взрослыхъ, нужно имѣть опытъ и мышленіе гораздо болѣе развитыя, чѣмъ у ребенка въ возрастѣ 3—4 лѣтъ. Характерный примѣръ по этому поводу приводитъ Б. Перэ. «Четырехлѣтній ребенокъ потерялъ одного изъ своихъ любимыхъ товарищей; его свели въ домъ умершаго. Отецъ, потерявшій ребенка, взялъ его на руки и нѣсколько минутъ держалъ его на колѣняхъ, плача и рыдая. Какъ много для взрослого въ этой великой нѣмой печали. Ребенокъ ничего не понялъ; онъ поспѣшилъ слѣзть съ колѣнъ огорченнаго отца, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ кругомъ комнаты и вдругъ, вернувшись къ нему, спросилъ: «теперь, когда Пьеръ померъ, ты отдашь мнѣ его лошадку и барабанъ, не правда ли?» Какое ужасное слово для херувима!» И этотъ фактъ вовсе не свидѣтельствуетъ о безчувственности ребенка, а только о его неспособности понять всю глубину молчаливой скорби взрослого человѣка.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ области чувствованій замѣчаются такой же ростъ и такое же постепенное развитіе отъ бессознательнаго къ сознательному и отъ простаго къ сложному, какъ и въ волевой сферѣ. Еще съ большей очевидностью сказывается этотъ ростъ въ развитіи нравственнаго чувства.

Человѣкъ не можетъ, подобно животному, руководствоваться одними только своими инстинктами. Обиліе и разнообразіе его потребностей, а также сложность социальной обстановки, въ которой ему приходится жить и вращаться, привели его къ необходимости установить цѣлый рядъ правилъ, которыя передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и которыя начинаютъ внушаться ребенку уже съ первыхъ же лѣтъ его жизни. Нужно быть чистоплотнымъ, слушаться старшихъ, не кричать, не драться, не бить посуды, ѣсть ту пищу, которую даютъ, и ложиться спать во время. Весь этотъ сводъ законовъ неизмѣнно преподается всѣмъ дѣтямъ, но усваивается и выполняется ими

различно, въ зависимости отъ возраста и индивидуальности. Объ индивидуальных различіяхъ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ нашей статьи, теперь же остановимся лишь на вопросѣ о томъ, какъ измѣняется нравственное чувство въ зависимости отъ возраста.

Въ теченіе перваго года жизни внѣшнія впечатлѣнія заполняютъ собой все сознаніе ребенка. Міръ внутренней, міръ воспоминаній и воспроизведенныхъ образовъ еще не успѣлъ образоваться. Опытъ ребенка слышкомъ ничтоженъ, дѣятельность мышленія отсутствуетъ и поэтому образованіе какихъ бы то ни было общихъ правилъ и нормъ, регулирующихъ его поведение, представляется абсолютно невозможнымъ. Единственное, что доступно ребенку на первомъ (и, пожалуй, на второмъ) году жизни, это образованіе ассоціацій, болѣе или менѣе прочныхъ, между даннымъ поступкомъ и его послѣдствіями. Неопытность влечетъ за собой всякій разъ непріятныя послѣдствія; смутное воспоминаніе объ этихъ послѣдствіяхъ, благодаря цѣлому ряду повтореній, дѣлается все болѣе прочнымъ и заставляетъ, наконецъ, ребенка удерживаться отъ проявленій неопытности. Сердитый окрикъ разсерженнаго отца заставляетъ плачущаго ребенка пугливо умолкнуть, такъ какъ повторный опытъ показалъ уже, что въ противномъ случаѣ можетъ послѣдовать цѣлый рядъ непріятныхъ ощущеній.

Нѣкоторые авторы считаютъ возможнымъ видѣть въ подобныхъ фактахъ проявленіе нравственнаго чувства; они утверждаютъ, такимъ образомъ, что уже въ концѣ перваго года дѣти начинаютъ дѣлаться нравственными. До нѣкоторой степени это вѣрно. Привычка повиноваться, сдерживать свои желанія и подчинять ихъ внѣшнему приказанію является, несомнѣнно, зародышемъ чувства долга,—того самаго долга, во имя котораго взрослый человѣкъ не задумывается пожертвовать самыми дорогими привязанностями, если этого требуетъ идея, которой онъ преданъ. Однако, между зародышемъ и тѣмъ, что изъ него разовьется впоследствии, лежитъ цѣлая пропасть. Для маленькаго ребенка, какъ и для животнаго, существуетъ только одинъ моральный двигатель, управляющій его поступ-

ками: страхъ немедленнаго наказанія и ожиданіе столь же немедленной выгоды или удовольствія. Мышленіе его слишкомъ слабо, чтобы уловить зависимость между поступкомъ и его отдаленными послѣдствіями, а воображеніе слишкомъ бѣдно чтобы нарисовать эти отдаленныя послѣдствія съ достаточной яркостью. Поэтому общія нормы поведенія, приложимыя къ цѣлому ряду разнообразныхъ поступковъ и носящія всегда до извѣстной степени отвлеченный характеръ, ему совершенно недоступны.

Мало-по-малу начинается усвоеніе общихъ правилъ. На второмъ — четвертомъ году, когда подражательныя дѣйствія дѣлаются чрезвычайно обильными, когда дѣти жадно впитываютъ въ себя всю окружающую среду съ ея дурными и хорошими сторонами, вырабатываются постепенно и правила ихъ нравственности. При этомъ часто можно наблюдать любопытную и чрезвычайно характерную особенность: ребенокъ дѣлается необычайно педантичнымъ въ примѣненіи и выполненіи того правила, которое онъ себя усвоилъ. Не умѣя отличать важнаго отъ неважнаго, главнаго отъ подробностей, онъ тщательно слѣдитъ за выполненіемъ извѣстнаго дѣйствія или обряда во всей его полнотѣ и требуетъ того же самаго и отъ взрослыхъ. Если няня, одѣвавшая его, дѣлала это въ извѣстной послѣдовательности, то всякое новое лицо, замѣнившее ее, должно будетъ придерживаться того же самаго порядка. За обѣдомъ ребенка должны посадить на его обычномъ мѣстѣ, дать ему непременно его «собственную» ложку и вилку, иначе онъ не станетъ ѣсть и, пожалуй, расплачется. Когда онъ научится держать какъ слѣдуетъ ножъ и вилку, то тщательно слѣдитъ за тѣмъ, такъ ли это дѣлаютъ окружающіе и малѣйшее отступленіе отъ принятой манеры тотчасъ же вызываетъ съ его стороны строгую критику.

Правда, далеко не у всѣхъ дѣтей эти протесты противъ нарушенія разъ установленныхъ обычаевъ бываютъ выражены съ одинаковой силой. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ они вызываются не столько потребностью соблюдать правило, сколько желаніемъ покапризничать, сорвать на чемъ-нибудь свою до-

саду, найти благовидный предлогъ для того, чтобы уклониться отъ выполненія справедливыхъ требованій. Все это, конечно, бываетъ. Тѣмъ не менѣе, наклонность, о которой мы сейчасъ говорили, имѣеть чрезвычайно важное значеніе для развитія въ ребенкѣ чувства долга, сознанія своихъ обязанностей и для выработки въ немъ извѣстнаго кодекса нравственныхъ требованій. Необходимо поэтому осторожно относиться къ этимъ дѣтскимъ правиламъ, къ этому этикету, какимъ бы курьезнымъ онъ намъ подчасъ ни казался. Слѣдуетъ помнить, что ребенокъ относится къ своему маленькому мірку съ такимъ же сильнымъ интересомъ и съ такой же полной серьезностью, какъ и мы къ своему. То, что намъ кажется мелочью, имѣеть для него часто огромное значеніе и надолго оставляетъ слѣдъ въ его впечатлительной душѣ. И если осмѣивать постоянно его первыя «законодательныя» попытки, если нарушать безъ всякаго объясненія и мотивировки установленныя имъ правила, то этимъ легко можно заглушить въ немъ тотъ зародышъ нравственной самодѣятельности, въ развитіи и поддержаніи котораго состоитъ одна изъ главныхъ задачъ воспитателя.

Еще хуже, когда взрослые бываютъ настолько невнимательны, что нарушаютъ свои собственныя слова и обѣщанія, не выполняютъ тѣхъ требованій, которыя ими же самими были установлены. Если воспитаніе идетъ правильно, то мнѣніе отца или матери, серьезно высказанное, имѣеть для ребенка рѣшающее значеніе, является той послѣдней инстанціей, въ справедливости которой ему и въ голову не приходитъ сомнѣваться. Въ поведеніи отца, матери и вообще всѣхъ старшихъ онъ находитъ себѣ постоянный и неистощимый по своему богатству матеріалъ для подражанія. Его мечты и идеалы складываются въ значительной степени также изъ подражанія старшимъ ихъ манерамъ и обращенію, ихъ положенію и занятіямъ («когда я вырасту и буду большой, то сдѣлаюсь докторомъ» и т. д.). И если онъ видитъ, что данныя ему обѣщанія (какъ бы они ни были на нашъ взглядъ ничтожны) не выполняются, что взрослые сегодня говорятъ одно, а завтра дѣлають совсѣмъ другое, то мало-по-малу въ его дѣтской головкѣ утрачивается всякая

вѣра въ непреложность и обязательность установленныхъ этими взрослыми правилъ и предписаній. И послѣ этого уже никакими угрозами и наказаніями не удастся добиться того, для достиженія чего необходимъ былъ только хорошій примѣръ и внимательная, разумная послѣдовательность и постоянство въ обращеніи съ ребенкомъ.

Итакъ, правила поведенія мало-по-малу выработаны и усвоены. Но этого мало. Необходимо, чтобы правила эти не оставались пустымъ звукомъ, но осуществлялись бы на дѣлѣ, регулируя дѣятельность ребенка и удерживая его отъ поступковъ, не отвѣчающихъ требованіямъ общезжитія. Съ достиженіемъ этихъ требованій можно считать, что нашъ маленькій человекъ уже обладаетъ настоящей, сознательной волей, въ той самой ея формѣ, въ которой она свойственна и взрослымъ людямъ. Съ возрастомъ его воля можетъ, конечно, усиливаться и окрѣпнуть, принципы, руководящіе ею, могутъ измѣниться и расшириться, но общій характеръ всего процесса останется одинъ и тотъ же: сознательное волевое усиліе, руководящееся опредѣленными мотивами и направленное на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій или на ихъ задержку.

Особенно труднымъ оказывается процессъ задержки. У каждаго ребенка, особенно, если онъ отличается впечатлительнымъ и живымъ характеромъ, то и дѣло возникаютъ стремленія, иногда вполне естественныя и законныя, но въ то же время противорѣчающія внушаемому ему кодексу нравственности. Когда онъ идетъ съ матерью по улицѣ, ему хочется погнаться за встрѣчной кошкой, прокатиться по льду, заглянуть въ отверстие водосточной трубы, — но все это строго запрещено, и бѣдный мученикъ приличій долженъ чинно выступать впередъ, не оглядываясь по сторонамъ и держась за руку матери. Нельзя, когда вздумается, лакомиться сахаромъ и вареньемъ, хотя бы оно стояло въ незапертомъ шкафу и добраться до него было вовсе не трудно. Нельзя оставаться съ гостями до поздняго вечера, хотя большинство дѣтей знаетъ, что какъ разъ передъ наступленіемъ назначеннаго часа игра становится особенно интересной и притомъ имъ «ни капельки не хочется спать».

Выполненіе всѣхъ этихъ запретовъ и предписаній представляется дѣломъ далеко не легкимъ и нерѣдко превышающимъ силы даннаго ребенка.

Напроказивши въ чемъ-нибудь, ребенокъ или прямо сознается въ этомъ, или же начинаетъ лукавить. Онъ сдѣлалъ проступокъ нечаянно, самъ не зная, что изъ этого выйдетъ. Онъ вовсе не виноватъ, а виноваты товарищи, которые подбили его, горничная, которая забыла притворить дверь, мама, которая за обѣдомъ дала ему меньше пирожнаго, чѣмъ другимъ. Зато ужъ впередъ онъ никогда, ни за что не сдѣлаетъ этого,—обѣщаніе, которое часто дается, но рѣдко выполняется. Нерѣдко эти увертки и обѣщанія бываютъ очень наивны и ихъ лживость и неправдоподобность бросается въ глаза. И тѣмъ не менѣе, безусловно неправъ будетъ тотъ, кто отнесется ко всѣмъ подобнымъ случаямъ съ одинаковымъ осужденіемъ, видя въ нихъ одну и ту же сознательную и завѣдому ложь. Не слѣдуетъ забывать, что воображеніе играетъ въ жизни ребенка гораздо большую роль, чѣмъ у взрослоаго. Дѣти постоянно фантазируютъ,—въ играхъ, которыя они такъ любятъ, въ разыгрываніи разныхъ ролей, на что они часто бываютъ такими охотниками. Дѣйствительное и воображаемое, жизнь и мечты еще не успѣли у нихъ такъ рѣзко обособиться другъ отъ друга, какъ это происходитъ затѣмъ въ послѣдующей жизни. И если мы припомнимъ, какъ часто взрослые, передавая одно и то же событіе, расходятся въ подробностяхъ, иногда очень существенныхъ,—то не будемъ такъ строго осуждать дѣтей за ихъ ложь, иногда совершенно непреднамѣренную. Къ тому же сужденія ихъ еще не успѣли достигнуть той объективности, того критическаго отношенія къ самому себѣ, которое и у взрослыхъ можно наблюдать далеко не часто. Подъ влияніемъ минутнаго увлеченія, страха или желанія оправдаться дѣти часто лгутъ, сами того не сознавая, искренно вѣря въ данную минуту въ справедливость того, что они рассказываютъ, и въ выполнимость тѣхъ обѣщаній, которыя даются ими съ такой легкостью. И если взрослые, умудренные и закаленные опытомъ люди нерѣдко грѣшатъ въ этомъ отношеніи, то сла-

бой, неукрѣпившейся волѣ ребенка тѣмъ труднѣе бываетъ справиться съ наплывомъ внезапно нахлынувшего чувства.

Бываютъ, однако, такія бунтовщическія натуры, которыя никакъ не хотятъ подчиниться налагаемому на нихъ правиламъ, и нарушивши ихъ, и не думаютъ оправдываться, а, наоборотъ, сами норовятъ обвинить старшихъ въ несправедливости. Всѣ подобныя случаи сваливаются обыкновенно въ одну кучу подъ названіемъ капризовъ, упорства и непослушанія. А между тѣмъ, если разобраться въ нихъ подробнѣе, то не трудно видѣть, что за кажущимся сходствомъ здѣсь скрывается значительное разнообразіе мотивовъ и побужденій. Иногда такое слѣпое упрямство обусловливается дѣйствительно дурнымъ характеромъ ребенка, его раздражительностью и нежеланіемъ признавать ничьихъ правъ и потребностей, кромѣ своихъ собственныхъ. Такіе антисоціальныя инстинкты, какъ мы уже указывали выше, встрѣчаются въ дѣтскомъ возрастѣ нерѣдко и съ ними, конечно, необходимо бороться. Однако, не менѣе часто причина непослушанія лежитъ въ томъ, что къ дѣтямъ предъявляются такія требованія, которыя не согласуются съ ихъ дѣтскою природою. Ихъ живость и подвижность требуютъ обильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, а ихъ заставляють сидѣть неподвижно въ гостиной и слушать скучныя разговоры. Воля ихъ еще не окрѣпла, вниманіе неустойчиво,—а между тѣмъ ихъ заставляють подолгу просиживать надъ какимъ-нибудь однимъ занятіемъ. Дѣтская натура протестуетъ и, не умѣя вылить своего протеста въ разумныя формы, выражаетъ его капризами и неповиновеніемъ. То, что мы называемъ глупымъ и безтолковымъ упрямствомъ, на дѣлѣ нерѣдко оказывается вовсе не такимъ глупымъ и безтолковымъ, надо только внимательнѣе разобраться всякій разъ, въ чемъ дѣло и откуда возникла эта непонятная настойчивость.

Въ старшемъ возрастѣ упрямство дѣлается уже болѣе сознательнымъ. У ребенка (подростка) начинаютъ образовываться уже свои собственные взгляды и мнѣнія по поводу окружающихъ событій, и взгляды эти могутъ не согласоваться съ требованіями старшихъ. 12-ти-лѣтняго мальчика почти цѣлый часъ

убѣждали въ томъ, что его поступокъ съ дядькой (бросилъ въ него грязной мокрой тряпкой) былъ несправедливъ и неприличенъ. И въ результатѣ всѣхъ увѣщаній этотъ маленькій Галилей заявилъ: «а все-таки дядька фискаль и такъ ему и надо!» Здѣсь упрямство граничитъ уже съ убѣжденностью, съ сознательной самостоятельностью взглядовъ и убѣждений. Правда, взгляды эти въ высшей степени неразумны и несовершенны, необходимо стараться такъ или иначе измѣнить и расширить ихъ,—но въ данный моментъ они руководятъ поведеніемъ ребенка и являются тѣми направляющими нормами, безъ которыхъ невозможенъ сознательный волевой актъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

III.

Вниманіе. - Внушаемость.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ воли у дѣтей находится также постепенный ростъ ихъ вниманія, въ особенности произвольнаго ¹⁾.

Въ первые мѣсяцы и даже годы жизни вниманіе ребенка отличается крайнимъ несовершенствомъ. Прежде всего, оно нисколько не подчинено волѣ. Кто-то замѣтилъ вполне основательно, что сознаніе дѣтей не охватываетъ окружающей среды, а, наоборотъ, находится отъ нея въ полной зависимости. Всякое яркое, сильное впечатлѣніе, всякій новый, незнакомый объектъ тотчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе ребенка. На первый планъ выдвигается неизмѣнно то, что сильнѣе всего раздражаетъ въ данный моментъ органы внѣшнихъ чувствъ,

¹⁾ Подробное описаніе особенностей дѣтскаго вниманія, а также тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ возможно укрѣплять и развивать его, дано было въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ «Семейной энциклопедии» (проф. И. А. Спирский. Объ умственномъ и нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Вып. XLIV -XLVI). Поэтому мы здѣсь ограничимся на этотъ счетъ лишь самыми краткими замѣчаніями.

а также то, что вызываетъ непосредственное чувство удовольствія или неудовольствія. Чѣмъ сильнѣе удовольствіе, тѣмъ дольше и внимательнѣе разсматриваетъ ребенокъ игрушку, незнакомаго ему человѣка и т. п. Умѣнье же по произволу сосредоточиваться на предметахъ скучныхъ, не интересныхъ и мало выдѣляющихся изъ окружающей среды,—это умѣнье дается не сразу, а достигается путемъ продолжительной выучки, путемъ долготѣлнго и систематическаго упражненія.

Кромѣ того, вниманіе, маленькихъ дѣтей отличается крайнимъ непостоянствомъ и неустойчивостью. Казалось бы, звонко тикающіе, блестящіе часы привлекли къ себѣ все вниманіе ребенка. Съ широко раскрытыми глазами и слегка раскрытымъ ртомъ тянется онъ къ нимъ своими рученками и весь углубился въ ихъ созерцаніе. Но стоитъ кому-нибудь рядомъ громко заговорить или показать какую-нибудь новую игрушку—и ребенокъ тотчасъ же повернется въ ату сторону, забывши о томъ, что его только что привлекало. Такая неустойчивость вниманія можетъ сохраняться у дѣтей, какъ извѣстно, въ теченіе очень долгаго времени, дѣлая ихъ иногда совершенно неспособными ни къ какому серьезному, сколько-нибудь продолжительному занятію. Всякая работа, даже самая незначительная, требуетъ все-таки извѣстнаго постоянства, способности въ теченіе нѣкотораго времени сосредоточиться исключительно на данномъ родѣ впечатлѣній. Отсутствіе же этого качества дѣлаетъ человѣка совершенно неспособнымъ къ какой бы то ни было плодотворной работѣ. Въ частности, у дѣтей непостоянство и легкая отвлекаемость вниманія являются одной изъ самыхъ частыхъ причинъ неуспѣшности въ ученіи, а также однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ къ умственному развитію вообще. Благодаря имъ, ребенокъ дѣлается совершенно неспособнымъ серьезно и вдумчиво разобраться въ окружающихъ явленіяхъ, у него развивается легкомысліе, верхоглядство, полная неспособность критически относиться къ тому, что дѣлаютъ и говорятъ другіе. Отсутствіе опредѣленнаго, самостоятельно выработаннаго міросозерцанія, неспособность систематически, шагъ за шагомъ усвоить себѣ какое-нибудь ремесло,

науку, искусство—вотъ къ чему ведетъ обыкновенно чрезмѣрная отвлекаемость вниманія, если она не была во время исправлена путемъ систематическаго и настойчиваго упражненія.

Этими немногими замѣчаніями по поводу особенностей дѣтскаго вниманія мы здѣсь и ограничимся, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса не входитъ въ нашу задачу.

Наряду съ вниманіемъ, существуетъ еще другой родъ явленій, относящихся непосредственно къ области волевой сферы и играющихъ очень важную роль въ умственной и нравственной жизни ребенка. Мы имѣемъ въ виду явленія *внушенія*, подвергшіяся за послѣднее время такому серьезному и разностороннему изученію и анализу.

Говоря о внушеніи, слѣдуетъ различать двѣ его разновидности: во-первыхъ, внушеніе въ гипнозѣ, во-вторыхъ—въ бодрственномъ состояніи. Хотя оба эти явленія имѣютъ между собой много общаго, но все же между ними существуетъ извѣстная разница, почему мы и рассмотримъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Гипнозъ представляетъ собою своеобразное состояніе, которое, правда, нельзя назвать болѣзненнымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но которое все же значительно отличается отъ обычнаго, нормальнаго состоянія здоровыхъ людей. При помощи различныхъ приѣмовъ (пассы, поглаживаніе, фиксация блестящаго предмета) человѣкъ приводится въ состояніе сонливости, отличающееся, однако, отъ обыкновеннаго сна тѣмъ, что загипнотизированный слышитъ всѣ приказанія гипнотизера и можетъ выполнять ихъ. Состояніе гипноза значительно повышаетъ внушаемость, т.-е., склонность подчиняться приказаніямъ другихъ лицъ (въ данномъ случаѣ—лица, вызвавшаго гипнозъ). Загипнотизированный субъектъ выполняетъ безпрекословно всевозможныя внушенія, даже въ томъ случаѣ, если они для него неприяты или же совершенно безцѣльны и бессмысленны. Это обстоятельство дало поводъ Бернгейму, а вслѣдъ за нимъ и многимъ другимъ утверждать, что всѣ странныя и необычныя явленія, сопровождающія гипнотическое состояніе, могутъ быть объяснены при помощи

внушенія. Даже самый гипнозъ есть, будто бы, не что иное, какъ обыкновенный сонъ, только наступившій не самопроизвольно, а вызванный путемъ внушенія.

Какъ ни заманчиво такое широкое обобщеніе, однако, его нельзя считать вполне справедливымъ. Гипнотическое состояніе, несомнѣнно, отличается отъ обыкновеннаго сна не только по способу своего возникновенія, но также и по самой своей сущности. Изслѣдованіе пульса и дыханія въ гипнозѣ и въ обыкновенномъ снѣ даетъ очень часто совершенно различные результаты. Точно также попытки перевести обыкновенный сонъ въ гипнозъ и обратно удаются сравнительно лишь въ немногихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, гипнотическое внушеніе нельзя безъ дальнѣйшихъ разсужденій отождествлять съ внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи.

Мы остановились на этомъ предметѣ потому, что вопросъ о значеніи гипноза въ дѣлѣ воспитанія уже возбуждался неоднократно. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, чего проще: загипнотизировать лѣниваго или непослушнаго мальчика и внушить ему, чтобы онъ былъ благонравенъ и прилеженъ. Въ этомъ смыслѣ и высказывались нѣкоторые авторы, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить особенно Берильона. Этотъ послѣдній считаетъ возможнымъ даже утверждать, что умственные способности дѣтей идутъ параллельно ихъ внушаемости. Если ребенокъ плохо поддавался его внушеніямъ, то Берильонъ считалъ его не только глупымъ и неспособнымъ, но и вырождающимся! Нечего и говорить, что такое мнѣніе является крайностью, къ тому же ни на чемъ не основанной.

Значеніе гипноза въ дѣлѣ воспитанія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать. Прежде всего, далеко не всѣ дѣти поддаются гипнозу въ такой степени, чтобы внушеніе могло имѣть достаточную силу. Многіе авторы считаютъ даже, что дѣтей труднѣе усыпить, чѣмъ взрослыхъ. Для успѣшности гипнотизированія необходимо добровольное согласіе самого испытуемаго, а также способность его сосредоточить свое вниманіе на приемахъ, употребляемыхъ гипнотизеромъ (пассы, фиксація и т. п.). Усыпить кого-нибудь противъ воли

несравненно труднѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого желаетъ.

Разсчитывать же на то, что лѣнивый и непослушный мальчикъ добровольно захочетъ возложить на себя тяжелое бремя перваго ученика, конечно, не приходится. Кромѣ того, дѣти гораздо менѣе, чѣмъ взрослые, способны къ длительному сосредоточенію вниманія. Поэтому даже въ томъ случаѣ, если они соглашаются подвергнуться гипнозу, имъ очень скоро надѣдается сидѣть смирно, неподвижно и глядѣть въ одну точку; они начинаютъ безпокойно двигаться, смотрѣть въ сторону, дѣлаются разсѣянными, плохо слушаютъ внушенія гипнотизера, т. е., приходятъ въ состояніе наименѣе благопріятствующее тому, чтобы гипнозъ удался.

Но самымъ важнымъ возраженіемъ противъ примѣненія гипноза въ цѣляхъ воспитанія является, на нашъ взглядъ, слѣдующее. Основная задача воспитанія состоитъ, конечно въ томъ, чтобы не только развить умственную и нравственную сферу ребенка, но также укрѣпить его самостоятельность, выработать въ немъ привычку быть во всемъ самостоятельнымъ и смотрѣть на всякое дѣло своими собственными глазами, а не черезъ чужіе очки. Борьба съ лѣнностью, жадностью и другими пороками можетъ быть вполне успѣшна только въ томъ случаѣ, если человѣкъ старается подавить ихъ самъ, своимъ собственнымъ усиліемъ и по своему собственному побужденію. Чужое вліяніе и совѣты, нравственная поддержка другихъ лицъ являются, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ незамѣнимыми и въ высшей степени цѣнными. Однако, значеніе ихъ должно сводиться, въ концѣ концовъ, лишь къ тому, чтобы поддерживать въ человѣкѣ соответствующее настроеніе, дѣлать его болѣе мужественнымъ и стойкимъ въ борьбѣ съ препятствіями. Самая же борьба должна вестись прежде всего собственнымъ «я» даннаго человѣка.

Между тѣмъ, гипнотическое внушеніе основано именно на томъ, что воля одного человѣка подчиняетъ себѣ на время волю другого и диктуетъ ей свои предписанія. Эти предписанія могутъ быть очень полезны для больного, но все же они

постоянно чувствуются имъ, какъ вѣчто постороннее, дѣйствующее, такъ сказать, извнѣ. Очень характерны въ этомъ отношеніи признанія нѣкоторыхъ алкоголиковъ, подвергавшихся лѣченію гипнозомъ. Они говорятъ, что при видѣ спиртныхъ напитковъ имъ очень хотѣлось выпить, но въ то же время какъ будто что то ихъ отъ этого удерживало. Это «что-то» было энергическое приказаніе гипнотизера, усвоенное благодаря особенностямъ гипнотическаго состоянія и сохранившееся въ ихъ памяти.

Такимъ образомъ, повторяемъ, гипнотическое внушеніе можетъ оказаться очень полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности при различнаго рода органическихъ расстройствахъ и болѣзненныхъ влеченіяхъ, съ которыми воля больного не можетъ справиться. Но рекомендовать гипнозъ, какъ орудіе воспитанія, для дѣтей вполне нормальныхъ намъ представляется совершенно невысказаннымъ.

Другое дѣло — внушаемость въ бодрственномъ состояніи, которая къ тому же у дѣтей достигаетъ всегда очень значительной степени. Когда ребенокъ ушибся и готовъ расплакаться, то очень часто удается удержать его отъ слезъ простымъ увѣреніемъ, что это пустяки и что ему вовсе не больно. При этомъ тонъ долженъ быть вполне спокойный и совершенно увѣренный. Точно также можно нерѣдко убѣдить ребенка, что онъ вовсе не усталъ или что ему не хочется ѣсть. Разумѣется, внушеніе удается только тогда, если данная потребность (голодь, усталость) не слишкомъ ужъ велика, иначе никакія увѣренія не помогутъ. Большое значеніе имѣетъ также личность человѣка, дѣлающаго внушенія, большее или меньшее довѣріе къ нему ребенка, тонъ, которымъ онъ говоритъ и т. п. Но если взять приблизительно равныя условія, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣти отличаются, по сравненію со взрослыми, необычайною внушаемостью. Этимъ объясняется въ значительной степени также ихъ довѣрчивость, позволяющая лицу, сколько-нибудь пользующемуся въ ихъ глазахъ авторитетомъ, убѣдить ихъ въ чемъ угодно. Всѣ подобныя факты имѣютъ для воспитанія огромное значеніе, такъ какъ внушае-

мостью въ бодрственномъ состояніи педагоги могутъ и должны пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Состояніе сознанія ребенка въ моментъ внушенія здѣсь вовсе не отличается такой необычайностью, какъ во время гипноза. Воля ребенка не подавлена путемъ разныхъ искусственныхъ приѣмовъ, она дѣйствуетъ такъ же, какъ всегда, т. е., находясь подъ большимъ вліяніемъ всякихъ вообще внѣшнихъ возбудителей. Поэтому и внушенія воспринимаются ребенкомъ, какъ часть обыденной, нормальной жизни, какъ одно изъ многихъ, дѣйствующихъ на него, впечатлѣній. Оно не отличается той чуждостью, насильственностью, которая свойственны огромному большинству гипнотическихъ внушеній. Кромѣ того, при внушеніи въ бодрственномъ состояніи иногда бываетъ очень трудно разграничить, гдѣ кончается внушеніе въ собственномъ смыслѣ слова и гдѣ начинается добровольное, сознательное подчиненіе, основанное на нежеланіи ребенка обидѣть старшихъ своимъ отказомъ, на стремленіи заслужить отъ нихъ похвалу и т. д.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ тому, что внушеніе въ бодрственномъ состояніи, если только оно проводится умѣло и осторожно, не только не подавляетъ самостоятельности ребенка, но можетъ, наоборотъ, способствовать развитію его воли и инициативы, придавая имъ такое направленіе, при которомъ онѣ не столкнутся съ непреодолимыми препятствіями.

Надо сказать, однако, что не у всѣхъ дѣтей внушаемость достигаетъ одинаковой степени и проявляется въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Нѣкоторые считаютъ возможнымъ раздѣлить въ этомъ отношеніи всѣхъ дѣтей на четыре категоріи. Къ первой относятся тѣ, которыя совершенно пассивно повинутся всякому приказанію, лишь бы оно было высказано авторитетно и настойчиво. Это—настоящіе автоматы, почти не имѣющіе собственныхъ желаній, исполняющіе безпрекословно все, что приказано и столь радующіе сердца поклонниковъ слѣпой дисциплины. Другая категорія заключаетъ въ себѣ субъектовъ съ сильно развитыми чувствами. На нихъ можно вліять только при посредствѣ чувствъ, возбуждая въ нихъ интересъ къ предмету, желаніе порадовать родителей или близкихъ

лицъ своими успѣхами, рисуя привлекательными красками тѣ результаты, къ которымъ ихъ приведетъ точное выполненіе предписаній и т. д. Третій разрядъ составляютъ дѣти, обладающія развитой волей, самолюбивыя и самостоятельныя. Къ простымъ немотивированнымъ приказаніямъ они относятся чаще всего критически и отрицательно. Попытки насильственного принужденія обыкновенно только усиливаютъ сопротивленіе съ ихъ стороны. Большіе шансы на успѣхъ можно имѣть въ томъ случаѣ, если идти путемъ противорѣчія, увѣряя ихъ, что они ни за что не смогутъ сдѣлать того-то и того-то. Тогда они наперекоръ, изъ чувства задѣтаго самолюбія, постараются сдѣлать это во что бы то ни стало. Разумѣется, такой способъ воздѣйствія отнюдь нельзя назвать педагогическимъ и злоупотреблять имъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ. Къ этой группѣ примыкаетъ также и четвертая, заключающая въ себѣ упрямыхъ и непослушныхъ дѣтей, не поддающихся никакому внушенію и воздѣйствію и составляющихъ предметъ отчаянія для родителей и воспитателей. Бинэ полагаетъ, что значительную часть этой группы составляютъ невропаты и вырождающіеся. Намъ кажется, однако, что упорство можетъ быть результатомъ весьма различныхъ причинъ и вліаній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Путемъ неудачнаго и небрежнаго воспитанія можно сдѣлать упрямымъ и непослушнымъ такого мальчика, изъ котораго подъ вліаніемъ другихъ, болѣе благоприятныхъ, условій выработался бы характеръ твердый и независимый, но вполне сознательный и разумный. Въ то же время у людей глупыхъ упорство можетъ уживаться вмѣстѣ съ повышенной внушаемостью, лишь бы только внушеніе произошло искусно и незамѣтно. Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ хитрые люди водятъ подчасъ за насъ субъектовъ упрямыхъ, но недалководидныхъ. Вообще, тутъ возможны различные типы и комбинаціи.

Съ возрастомъ степень внушаемости постепенно измѣняется. Скрипчуръ и Гильбертъ подвергли изслѣдованію болѣе тысячи мальчиковъ и дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 6 до 17 лѣтъ, съ цѣлью опредѣлить у нихъ степень развитія различныхъ ду-

шевныхъ особенностей, въ томъ числѣ и внушаемости. Опре-
дѣленіе этой послѣдней было основано на слѣдующемъ при-
нципѣ. Извѣстно, что если взять два шара или два цилиндра
одинаковаго вѣса, но различной величины (сдѣланные, конечно
изъ одного и того же матеріала), то при взвѣшиваніи большій
шаръ будетъ казаться вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе легкимъ. Это
происходитъ оттого, что значительная величина шара, види-
мая глазомъ, внушаетъ мысль о томъ, что и вѣсъ его дол-
женъ соответствовать величинѣ. И когда при взвѣшиваніи ока-
зывается, что полученныя мышечныя и осязательныя ощуще-
нія совершенно не соответствуютъ тому, что ожидалось, то
является склонность переоцѣнивать вѣсъ шара въ противо-
положномъ направленіи, т.-е., считать его легче другого. Опытъ
показалъ, что степень ошибки далеко не одинакова у разныхъ
людей, благодаря тому, что не всѣ въ одинаковой степени под-
даются внушающему дѣйствию размѣровъ шара, видимыхъ гла-
зомъ. Этимъ и воспользовались Скрипчюръ и Гильбертъ для
изслѣдованія степени внушаемости у дѣтей различнаго воз-
раста.

Оказалось, что съ 6 до 9 лѣтъ способность поддаваться
внушенію постепенно повышается, и въ девять лѣтъ дости-
гаетъ своего наивысшаго уровня. Затѣмъ внушаемость начи-
наетъ постепенно ослабѣвать, причемъ это ослабленіе продол-
жается непрерывно вплоть до 17 лѣтняго возраста. Дальше
этого возраста названные авторы изслѣдованій не производили,
но есть основанія думать, что паденіе кривой внушаемости
продолжается и впослѣдствіи, такъ что взрослые люди въ об-
щемъ способны поддаваться внушенію въ гораздо меньшей сте-
пени, чѣмъ дѣти и юноши. Надо сказать также, что внушае-
мость дѣвочекъ почти во всѣхъ возрастахъ оказалось замѣтно
большей, чѣмъ у мальчиковъ.

Интересно, что въ возрастѣ отъ 6 до 7 лѣтъ внушаемость
(по отношенію къ данному роду опытовъ!) оказалась меньшей,
чѣмъ въ 8—9 лѣтъ. Этотъ фактъ, быть можетъ, можно сопо-
ставить съ тѣмъ, что способность поддаваться внушенію (точно
также, какъ и подражательность), появляется у дѣтей не раньше

извѣстнаго возраста. Для того, чтобы внушенная мысль овладѣла сознаниемъ ребенка и побудила его къ извѣстному поступку или сужденію, необходимо, чтобы онъ уже былъ способенъ воспринять эту мысль. Необходимо извѣстное сосредо-ченіе вниманія, извѣстная умственная подготовка, отсутствующая въ первые мѣсяцы, а иногда даже и въ первые годы жизни. И только послѣ возникновенія этихъ необходимыхъ условій внушаемость дѣтей начинаетъ сказываться въ полной своей силѣ. Само собою разумѣется, что наступленіе этого періода зависитъ въ значительной степени какъ отъ индивидуальности ребенка, такъ и отъ содержанія самихъ внушеній, которыя могутъ быть простыми или сложными, легко или трудно доступными, болѣе или менѣе ясными и конкретными и т. д.

Результаты, полученные названными авторами, были въ общемъ подтверждены дальнѣйшими изслѣдователями, причемъ выяснились также и нѣкоторыя другія, весьма существенныя, подробности. Такъ, А. П. Нечаевъ, изслѣдовавшій внушаемость на фразы и числа у учениковъ въ возрастѣ отъ 10 до 18 лѣтъ, нашелъ, что ученики младшаго возраста поддавались внушенію прямо и непосредственно, тогда какъ у старшихъ преобладало косвенное внушеніе. Опыты состояли въ томъ, что экспериментаторъ обращался къ классу съ предложеніемъ написать какую-нибудь цифру (или фразу), причемъ въ самомъ предложеніи уже заключалось въ скрытомъ видѣ извѣстное внушеніе, напр.: «Когда я вамъ скажу *пора*, то пусть каждый изъ васъ напишетъ какую-нибудь фразу о чемъ хотите напримѣръ, о музыкѣ вообще, о чемъ хотите. *Пора*». Оказалось, что одни ученики легко поддавались прямому внушенію, т. е., писали подказанную имъ цифру или фразу со словомъ «музыка». У другихъ, наоборотъ, вліяніе внушеннаго слова сказывалось лишь косвеннымъ образомъ; не упоминая самого слова «музыка», они писали фразы, вродѣ слѣдующей: «я люблю играть на скрипкѣ», «пріятно слушать хорошій оркестръ» и т. д. Подсчетъ результатовъ показалъ, что съ воз-

растомъ податливость прямому внушенію падаетъ и въ то же время значительно учащаются случаи внушенія косвеннаго.

Изъ числа авторовъ, работавшихъ относительно внушаемости въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, слѣдуетъ особенно упомянуть А. Бинэ, вмѣстѣ съ его сотрудниками. Этотъ неутомимый изслѣдователь произвелъ цѣлый рядъ наблюденій и экспериментовъ, направленныхъ къ изученію даннаго вопроса, причемъ методы и приемы экспериментированія отличались чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Мальчику (или дѣвчкѣ) показываютъ начерченную на бумагѣ прямую линію, затѣмъ цѣлую таблицу, состоящую изъ ряда линій различной величины; среди этихъ линій есть и такая, которая по длинѣ соотвѣтствуетъ ранѣе показанной линіи. На просьбу указать ее испытуемый въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ это правильно. Тогда экспериментаторъ спрашиваетъ: «Увѣрены ли вы въ этомъ? не ошиблись ли? посмотрите хорошенько!» Этого часто бываетъ достаточно для того, чтобы заставить ребенка переменить свое мнѣніе. Другой способъ заключается въ томъ, что, показывая дѣтямъ одну за другой прямыя линіи разной длины или цвѣтную бумагу разныхъ оттѣнковъ и заставляя ихъ сравнивать, экспериментаторъ при этомъ въ полголоса прибавляетъ: «теперь я покажу линію покорооче», «а вотъ эта бумажка будетъ потемнѣе» и т. д., причемъ эти прибавленія иной разъ отвѣчаютъ дѣйствительности, въ другой же разъ противорѣчатъ ей. Испытуемый же, поддавшійся увѣренному тону этихъ, какъ бы мимоходомъ брошенныхъ замѣчаній и сбитый съ толку случаями дѣйствительнаго совпаденія, въ большинствѣ случаевъ безпрекословно подчиняется внушенію. Еще одинъ приемъ. На столѣ ставятъ цѣлый рядъ бутылокъ, на днѣ которыхъ налита мутноватая жидкость, и говорятъ испытуемому, что въ каждой изъ нихъ находится ничтожное количество какого-нибудь пахучаго вещества: ванили, фіалокъ, табаку, уксусу и т. д. Для большей убѣдительности въ первую бутылку прибавляютъ, дѣйствительно, небольшое количество, напр., ванили, между тѣмъ какъ всѣ остальные безусловно лишены всякаго запаха. Тѣмъ не

менѣе, испытываемые, поддаваясь внушенію, находятъ различные запахи въ большинствѣ бутылокъ.

Подобныя изслѣдованія также показали, что съ возрастомъ внушаемость безусловно понижается. Такъ, въ одномъ рядѣ опытовъ ученики низшаго класса (7—9 л.) дали 88% ошибокъ ученики средняго класса (9—11 л.)—60% и наконецъ, старшаго (11—13 л.)—47%.

Интересны опыты, произведенныя А. Бинэ относительно внушаемости дѣтей въ области памяти и воображенія. Опыты состояли въ томъ, что испытываемымъ показывали въ теченіе 10 сек. большой картонъ, на которомъ укрѣплены были слѣдующіе предметы: 1) старая, потертая мѣдная монета съ портретомъ Наполеона III, 2) этикетка изъ галантерейнаго магазина, 3) поясной портретъ молодого человѣка, 4) французская почтовая марка въ 2 сантима, 5) большая пуговица съ 4 дырками, 6) небольшая гравюра, взятая изъ иллюстрированнаго журнала и изображающая выходъ рабочихъ изъ фабрики по прекращеніи работы. По прошествіи 10 сек. картонъ закрывался, и испытываемый долженъ былъ, какъ можно подробнѣе и точнѣе, описать все, что онъ видѣлъ и запомнилъ, причемъ относительно каждаго объекта ему ставился цѣлый рядъ вопросовъ.

Вопросы предлагались или совершенно объективныя, не предрѣшавшіе дѣла ни въ ту, ни въ другую сторону, или же, наоборотъ, такого рода, что въ самомъ вопросѣ уже заключалось скрытое внушеніе. Положимъ, напр., что дѣло идетъ о большой, гладкой костяной пуговицѣ, темнокоричневаго цвѣта, съ 4 дырками, приклеенной къ картону. Экспериментаторъ можетъ ограничиться строго объективными вопросами, вродѣ слѣдующихъ: какого цвѣта пуговица? сколько въ ней дыръ? какимъ образомъ она прикрѣплена къ картону? Или же онъ спрашиваетъ такимъ образомъ: опишите пуговицу, не замѣтили ли вы на ней какихъ-нибудь царапинъ или поврежденій? не пришита ли пуговица къ картону нитками? Въ этомъ случаѣ элементъ внушенія выступаетъ уже съ полной очевидностью. Еще болѣе рѣзкую форму внушенія представляютъ собою такого

рода вопросы: въ пуговицѣ, какъ вы видѣли, четыре дыры, какимъ образомъ проходитъ черезъ нихъ нитка, которой пуговица прикрѣплена къ картону, и какого цвѣта эта нитка? скажите съ какой стороны пуговица представляется поврежденной (на самомъ дѣлѣ никакихъ поврежденій нѣтъ) и если можно, нарисуйте форму этого поврежденія. Опыты показали, что такого рода вопросы оказываютъ въ смыслѣ внушенія наиболѣе сильное дѣйствіе.

Однако, не слѣдуетъ думать, что если вопросы поставлены вполне объективно, т. е., не заключаютъ въ себѣ въ скрытой формѣ уже готоваго отвѣта, то этимъ устранено всякое воздѣйствіе на волю испытуемаго. Оказывается, что настойчивые разспросы, хотя бы и ведущіеся въ самой объективной формѣ, все же могутъ значительно извратить показанія ребенка. Положимъ, что онъ припомнилъ нѣкоторыя подробности изъ того, что онъ видѣлъ на картонѣ, но припомнилъ ихъ смутно, неясно и неопредѣленно; многія черты совершенно ускользнули изъ памяти. Между тѣмъ, его заставляютъ во что бы то ни стало припоминать то, что было забыто, придавать опредѣленность и отчетливость тому, что представляется смутно и неопредѣленно. Ребенокъ дѣлаетъ надъ собою усиліе и, большею частью, самъ того не замѣчая, начинаетъ фантазировать и придумывать несуществующія подробности. Этому немало способствуетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что способность самонаблюденія, критическое отношеніе къ своимъ собственнымъ мыслямъ и воспоминаніямъ развито у дѣтей гораздо меньше чѣмъ у взрослыхъ. Дѣти гораздо легче смѣшиваютъ въ своихъ воспоминаніяхъ то, что дѣйствительно было, съ тѣмъ, о чемъ они только думали или чего только желали. Тѣмъ легче удаются надъ ними всякаго рода внушенія.

Основываясь на этомъ, Биннѣ справедливо указываетъ, что если вы хотите получить отъ ребенка дѣйствительно достоверныя показанія относительно событія, котораго онъ былъ очевидцемъ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ особенно настаивать на вопросахъ, «форсировать» его память. Самое

лучшее, это—дать ему перо и бумагу и, оставивши его наединѣ, велѣть записать все, что только онъ припомнитъ.

Интересны опыты, продѣланные тѣмъ же авторомъ съ цѣлью выяснить, насколько внушаемость отдѣльныхъ учениковъ отличается отъ внушаемости группъ, состоящихъ каждая изъ нѣсколькихъ мальчиковъ. Съ этою цѣлью только что описанные опыты были повторены въ другомъ учебномъ заведеніи, причемъ картонъ показывался одновременно цѣлой группѣ, состоявшей изъ 3-хъ мальчиковъ одного возраста. Вопросы задавались разомъ цѣлой группѣ, причемъ тотъ изъ трехъ испытуемыхъ, который раньше вспомнилъ, отвѣчалъ первымъ. Какъ самые отвѣты, такъ и тотъ порядокъ, въ которомъ они слѣдовали другъ за другомъ, записывались по возможности тщательно. Организуя эти опыты, Бинэ ожидалъ, что, благодаря взаимному контролю и меньшей стѣсненности учениковъ, степень внушаемости понизится. Оказалось какъ разъ наоборотъ: отвѣтъ, высказанный однимъ изъ мальчиковъ, оказывалъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, сильное вліяніе на остальныхъ двухъ участниковъ группы, которые повторяли его цѣлкомъ или съ небольшими измѣненіями. Кромѣ того, внушенія, подсказанныя экспериментаторомъ, принимались гораздо чаще, чѣмъ въ опытахъ съ отдѣльными учениками. Внушаемость группы оказалась значительно большей, чѣмъ внушаемость отдѣльныхъ дѣтей того же возраста. Такимъ образомъ, экспериментальнымъ путемъ были подтверждены давно уже извѣстныя данныя по психологіи толпы: интеллигентность толпы всегда ниже интеллигентности составляющихъ ее индивидуумовъ. Полученные результаты Бинэ объясняетъ, во-первыхъ, заразительностью примѣра, своего рода взаимнымъ внушеніемъ, а во-вторыхъ—тѣмъ, что дѣти, собранныя въ группу, относились къ дѣлу менѣе серьезно, чаще смѣялись и, слѣдовательно, не могли въ достаточной мѣрѣ сосредоточивать своего вниманія на правильномъ воспроизведеніи объектовъ.

IV.

Разновидность характера.

Очень важную и интересную сторону въ развитіи ребенка составляет постепенное возникновеніе у него индивидуальных чертъ характера, т.-е. тѣхъ особенностей, которыми дѣти отличаются другъ отъ друга. Уже въ самомъ юномъ возрастѣ начинается намѣчаться та дифференціація характеровъ, то разнообразіе наклонностей и привычекъ, которое впоследствии выльется въ цѣлый рядъ яркихъ, разнообразныхъ, вполнѣ определенныхъ типовъ. Колеблющіяся и неустойчивыя вначалѣ, эти личныя особенности постепенно крѣпнутъ и дѣлаются болѣе устойчивыми и постоянными. Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить систематически, шагъ за шагомъ, это постепенное образованіе отдѣльныхъ характеровъ, установить, какія качества и разновидности появляются раньше и какія позже, что именно слѣдуетъ отнести на долю прирожденныхъ особенностей и чему человекъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и т. под. Къ сожалѣнію, предметъ этотъ еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Большинство авторовъ, изучавшихъ психологію ребенка, обращали вниманіе исключительно на тѣ проявленія душевной жизни, которыя свойственны въ большей или меньшей степени всѣмъ нормальнымъ дѣтямъ. Ихъ интересовалъ, если можно такъ выразиться, «средній ребенокъ», собирательная единица, составленная исключительно изъ такихъ чертъ, которыя одинаково важны для всѣхъ дѣтей. Постепенное развитіе такихъ всеобщихъ и основныхъ сторонъ человѣческой личности изучалось уже неоднократно и описывалось съ большими подробностями. Что же касается индивидуальныхъ особенностей, то на нихъ обращалось гораздо меньше вниманія, благодаря чему большинство наблюдений въ этой области носитъ характеръ случайныхъ и не систематическихъ замѣтокъ.

Повидимому, въ настоящее время мы можемъ установить

съ нѣкоторой вѣроятностью лишь одно общее положеніе: индивидуальныя особенности характера начинаютъ обнаруживаться одновременно съ появленіемъ соответствующихъ имъ общихъ проявленій душевной жизни. Съ появленіемъ сложныхъ движеній возникаютъ и индивидуальныя особенности двигательной сферы. Какъ только ребенокъ начинаетъ обнаруживать явные признаки вниманія и интереса, такъ одновременно съ этимъ начинаютъ выступать и тѣ характерныя особенности, которыми его вниманіе отличается отъ вниманія другихъ дѣтей. Различія въ мышленіи и воображеніи сказываются значительно позже, такъ какъ и самыя эти процессы еще совершенно отсутствуютъ на первомъ и даже второмъ году жизни ребенка,—и т. д.

Если взять специально область волевыхъ процессовъ, то первыя проявленія индивидуальности сказываются здѣсь, несомнѣнно, въ различіи движеній. Посѣщая большіе воспитательныя дома и наблюдая новорожденныхъ, можно, по словамъ Лесгафта, убѣдиться, что «все различаются между собою не столько чертами лица, сколько силой и быстротой своихъ жизненныхъ проявленій. Одинъ подвижнѣе, голосъ его сильнѣе, на всякое раздраженіе онъ сильнѣе реагируетъ, свое неудовольствіе выражаетъ довольно рѣзкими движеніями; другой, напротивъ того, вялый, медленно двигается, голосъ слабый, медленно и слабо реагируетъ на раздраженіе». Новорожденныхъ очень легко бываетъ смѣшать другъ съ другомъ, особенно если ихъ такъ много, какъ это бываетъ въ воспитательныхъ домахъ. Такіе признаки, какъ величина, вѣсъ, цвѣтъ кожи, далеко не всегда оказываются достаточными для распознаванія. Наиболѣе полезными въ этомъ случаѣ являются различія двигательныхъ проявленій, которыми чаще всего и руководствуются лица, ухаживающія за дѣтьми.

По мѣрѣ того, какъ обогащается душевная жизнь ребенка, начинаютъ обнаруживаться у него также и другія индивидуальныя особенности. Уже къ концу перваго года мать замѣчаетъ, что одинъ ребенокъ очень капризенъ и непослушенъ, другой, наоборотъ, спокойно подчиняется всему, что бы съ нимъ ни предѣлывали. Веселость и раздражительность начинаютъ

сказываться на самой зарѣ человѣческаго существованія. Изъ этого, конечно, ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ заключать, что преобладающее настроеніе человѣка на всю жизнь останется такимъ, какимъ оно было въ первые годы его жизни. Раздражительность, плаксивость и капризность могли зависѣть отъ того, что ребенокъ былъ слабымъ и болѣзненнымъ. Съ годами, когда его здоровье укрѣпится, всѣ эти качества могутъ значительно сгладиться или даже совершенно исчезнуть. Кромѣ того, воспитаніе, уходъ и окружающая среда имѣютъ въ этихъ случаяхъ огромное значеніе и притомъ тѣмъ большее, чѣмъ ребенокъ моложе. Однако, появленіе индивидуальных особенностей въ самомъ юномъ возрастѣ имѣетъ, несомнѣнно, очень важное педагогическое значеніе. Воспитатель волей-неволей обязанъ считаться съ этими слабыми задатками, съ этими первыми проблесками человѣческой индивидуальности, такъ какъ отъ него въ значительной степени зависитъ оставить ихъ, дать имъ развиться и окрѣпнуть, или же измѣниться въ томъ направленіи, въ какомъ это представляется желательнымъ.

Но вотъ мало-по-малу, у ребенка обнаруживаются первые проявленія умственной дѣятельности. Онъ начинаетъ различать и узнавать людей, сначала наиболѣе близкихъ, а затѣмъ и всѣхъ, съ которыми ему приходится встрѣчаться. Съ любопытствомъ разсматриваетъ онъ и изучаетъ предметы своего обихода, игрушки и вообще все, что попадаетъ подъ руку. Обычнымъ средствомъ изученія является въ болѣе юномъ возрастѣ — засовываніе въ ротъ, а впослѣдствіи — поломка сколько-нибудь сложныхъ игрушекъ. Онъ учится говорить, подолгу засиживается надъ разными простыми играми, вродѣ складыванія кубиковъ, картинокъ и т. п.

Одновременно съ этимъ начинаютъ замѣчаться и первые признаки индивидуальных особенностей въ области вниманія, интереса, памяти и отчасти работоспособности. Одинъ ребенокъ — живой, всѣмъ интересуется, отъ всякаго новаго, невиданнаго имъ ранѣе объекта приходитъ въ возбужденіе, а иногда и въ настоящій восторгъ. Онъ скоро и хорошо запоминаетъ

лица гостей, особенно тѣхъ, которые почему-либо возбуждаютъ въ немъ симпатію или антипатію; быстро усваиваетъ себѣ наиболѣе употребительныя слова, много и охотно говорить и своими оригинальными словесными комбинаціями часто смѣшивать взрослыхъ. Въ болѣе позднемъ возрастѣ онъ обнаруживаетъ признаки вниманія и работоспособности, подолгу сосредоточиваясь надъ какой-нибудь интересующей его работой. Другой, наоборотъ, вялъ, апатиченъ, ничѣмъ особенно не интересуется, ко всему относится одинаково равнодушно. Главное для него—хорошо поѣсть, погулять, а потомъ выспаться. При разсматриваніи, напр., картинокъ вниманіе его скоро утомляется, онъ начинаетъ зѣвать, дѣлается вялымъ и не обнаруживаетъ никакого желанія заняться чѣмъ-либо другимъ. Третій, наконецъ, отличается крайней неустойчивостью. Онъ не можетъ ни на чемъ сосредоточиться, едва взявшись за какое-нибудь занятіе, тотчасъ же бросаетъ его, чтобы перейти къ другому, къ третьему и т. д., безъ конца. Всякая новинка привлекаетъ его на короткое время, но затѣмъ интересъ къ ней совершенно утрачивается. Такая неустойчивость въ направленіи вниманія и интересовъ свойственна, конечно, въ значительной степени всѣмъ вообще дѣтямъ. Однако, у нѣкоторыхъ изъ нихъ она можетъ достигать особенно сильной степени,—и такіе случаи въ воспитательномъ отношеніи представляются едва ли не самыми трудными.

Сравнительно очень поздно начинаютъ обнаруживаться индивидуальныя различія въ области сознательныхъ волевыхъ процессовъ. Для выработки сознательной воли требуется, какъ мы уже видѣли, очень много предварительныхъ условій; появленіе ея возможно только при извѣстномъ, сравнительно высокомъ, уровнѣ психической жизни. Въ первые годы жизни сознательный волевой процессъ или совершенно отсутствуетъ или только начинаетъ намѣчаться. Поэтому объ индивидуальныхъ особенностяхъ здѣсь пока не можетъ быть и рѣчи. Только съ постепеннымъ развитіемъ задержки, волевого усилія, болѣе или менѣе устойчивыхъ чувствованій, направляющихъ поведеніе ребенка, наконецъ, мышленія, регулирующаго и согласую-

шаго между собой отдѣльные его поступки, — только съ появленіемъ всѣхъ этихъ предварительныхъ условій возможно бываетъ также и образование сознательной воли, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. И только тогда начинаютъ обнаруживаться у нѣкоторыхъ дѣтей первые задатки тѣхъ чертъ, которыя впослѣдствіи будутъ такъ высоко цѣниться окружающими: силы воли, твердости характера, настойчивости, сознательной самостоятельности и т. д.

Къ школьному возрасту разновидности характеровъ если и не успѣваютъ еще окончательно окрѣпнуть и опредѣлиться, то, во всякомъ случаѣ, представляются уже ясно намѣченными. Продолжительныя наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ мальчиковъ, организованныя нами недавно въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, показали, что въ возрастѣ 11—13 лѣтъ мы встрѣчаемъ уже почти все то разнообразіе характеровъ, которое свойственно взрослымъ людямъ; такимъ образомъ, различіе между взрослыми и мальчиками въ этомъ отношеніи сводится, главнымъ образомъ, лишь къ тому, что отдѣльныя проявленія личности дѣлаются съ возрастомъ все болѣе и болѣе яркими, опредѣленными и взаимно-согласованными. Личность обогащается, пріобрѣтаетъ все большую типичность и законченность, но основныя черты ея остаются обыкновенно такими же, какими были въ молодости, не подвергаясь никакимъ сколько-нибудь существеннымъ измѣненіямъ.

Для того, чтобы дать нѣкоторое представленіе о разнообразіи типовъ, наблюдающихся въ юношескомъ возрастѣ, мы приведемъ здѣсь вкратцѣ классификацію характеровъ, предложенную внимательнымъ и добросовѣстнымъ наблюдателемъ дѣтской психики, Б. Перэ ¹⁾. Существуетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ классификацій характеровъ, составленныхъ такими талантливыми авторами, какъ Поланъ, Рибо и многіе др., и по своей стройности и полнотѣ не только не уступающихъ классификаціи Перэ, но даже превосходящихъ ее. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили остановиться именно на этой послѣдней, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями.

¹⁾ B. Perez. Le caractère de l'enfant à l'homme. Paris. 1892.

Большинство классификацій, появившихся въ послѣднее время, носитъ слышкомъ теоретическій характеръ и составлено преимущественно дедуктивнымъ путемъ. Берутся важнѣйшія стороны душевной жизни, напр., умъ, чувство и воля, и сообразно этому дѣлятъ людей на интеллектуальныхъ, эмоциональныхъ и волевыхъ. Затѣмъ, пользуясь другими, болѣе второстепенными признаками, производятъ дальнѣйшее подраздѣленіе, устанавливая все новые и новые виды и подвиды. Къ сожалѣнію, большинство этихъ стройныхъ и систематическихъ подраздѣленій висятъ въ воздухѣ, не опираясь на предварительно собранный фактическій матеріалъ и далеко не всегда оправдываясь въ дѣйствительности. Составители ихъ шли не отъ фактовъ къ теоріи, а отъ теоріи къ фактамъ, и поэтому остались, въ большинствѣ случаевъ, далеки отъ жизни, со всею ея сложностью и разнообразіемъ. Между тѣмъ, классификація Перэ явилась, несомнѣнно, результатомъ долгаго и вдумчиваго наблюденія. Приводимые имъ въ большомъ количествѣ «портреты», т.-е. подробныя характеристики, предназначенныя для того, чтобы иллюстрировать важнѣйшіе типы его классификаціи, составлены очень ярко и живо и очевидно не выдуманы, а прямо и непосредственно списаны съ дѣйствительности. Къ тому же, всѣ эти «портреты» списаны не со взрослыхъ людей, а съ подростковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, что для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ, конечно, тѣмъ болѣе интересъ. Вообще Б. Перэ, наблюдатель по преимуществу дѣтской психики, остался такимъ же и въ своей книгѣ о характерахъ. Недостаткомъ этой работы является стремленіе автора весь собранный имъ богатый и разнообразный матеріалъ приспособить къ довольно произвольному подраздѣленію, основанному на различіи движеній. Однако, на самомъ дѣлѣ классификація его выступаетъ изъ этихъ узкихъ рамокъ и даетъ рядъ типовъ, различающихся не одними только движеніями, а цѣлымъ рядомъ сложныхъ особенностей душевной жизни.

Все разнообразіе человѣческихъ (въ томъ числѣ и дѣтскихъ) характеровъ Б. Перэ считаетъ возможнымъ подраздѣлить на 6 важнѣйшихъ группъ, изъ которыхъ каждая характеризуется

своеобразными, присущими ей особенностями двигательной сферы. Прежде всего, три основныхъ группы: быстрые или *живые* (*vifs*), *медленные* (*lents*) и пылкіе или *энергичные* (*ardents*). Комбинація этихъ основныхъ типовъ попарно даетъ еще два сложныхъ типа: *быстрые-энергичные* (*vifs-ardents*) и *медленные-энергичные* (*lents-ardents*). На ряду съ этимъ выдѣлена еще особая группа уравновѣшенныхъ (*pondérés* или *equilibrés*), у которыхъ всѣ основныя особенности душевной жизни развиты болѣе или менѣе умѣренно.

Живые или быстрые отличаются крайней подвижностью. Ихъ походка быстра и порывиста, ихъ лицо и руки находятся въ постоянномъ движеніи, они много и громко разговариваютъ, часто смѣются. Дѣти, принадлежащія къ этому типу, иногда не могутъ буквально нѣсколькихъ минутъ посидѣть спокойно, вѣчно суетятся, поминутно вскакиваютъ съ мѣста, однимъ словомъ—представляютъ собою самый неспокойный элементъ въ классѣ. Такая подвижность не можетъ не отразиться на ихъ чувствованіяхъ. Чувства у нихъ въ общемъ легко возбудимы, но обыкновенно крайне поверхностны и неустойчивы. Постоянная суетливость не позволяетъ сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, а слѣдовательно, и не даетъ возможности этому чувству укрѣпиться въ сознаніи на сколько-нибудь продолжительное время. Симпатіи и антипатіи смѣняются иногда съ поразительной быстротой и неожиданностью. Прочныя привязанности очень рѣдки, почти совершенно невозможны. Настоящая доброта, участіе къ чужимъ страданіямъ мало имъ свойственны,—но въ то же время они добродушны, незлопамятны и неспособны къ ненависти. Если у нихъ есть самолюбіе, то оно принимаетъ обыкновенно несерьезныя формы, выражаясь въ фатовствѣ, легкомысленныхъ похвальбахъ, тщеславіи и никогда не усиливаясь до такой степени, чтобы играть руководящую роль въ ихъ жизни. Воля у нихъ въ общемъ слаба и неустойчива; они довѣрчивы, неспособны къ борьбѣ, легко поддаются внушенію. Сколько-нибудь опредѣленные принципы, руководящіе поведеніемъ, большею частью отсутствуютъ; отсюда постоянныя колебанія въ образѣ дѣй-

ствій. Желанія ихъ часто мѣняются и поэтому никогда не бываютъ особенно сильными и настойчивыми. То же слѣдуетъ сказать и объ интересахъ, направленіе которыхъ то и дѣло подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Качество это, очевидно, не можетъ благоприятно отразиться на ихъ умственной дѣятельности. Правда, среди живыхъ попадаются иногда природы, богато одаренныя въ смыслѣ литературнаго или художественнаго таланта. Однако, ихъ произведенія, хорошія или даже блестящія по своей формѣ, бываютъ обыкновенно лишены глубины и оригинальности, являясь болѣе или менѣе удачнымъ подражаніемъ чужимъ образцамъ. Въ общемъ, это природы, которыя всюду суются, за все хватаются и въ то же время ничего неспособны довести до конца.

Энергичные или пылкіе обладаютъ большимъ запасомъ двигательной и моральной энергіи, тѣсно связанной у нихъ съ сильными и глубокими чувствованіями. Болѣе другихъ развиты обыкновенно чувства, относящіяся къ собственной личности. Честолюбіе является нерѣдко главнымъ двигателемъ ихъ поступковъ, стремленіе властвовать опредѣляетъ собою ихъ поведеніе, карьеру, направленіе всей дѣятельности. У болѣе даровитыхъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда честолюбіе находитъ себѣ поддержку и оправданіе въ окружающей средѣ, развивается мало-по-малу высокомеріе и презрительное отношеніе ко всѣмъ, кого они считаютъ ниже себя. Малѣйшее несогласіе и противорѣчіе, а въ особенности все то, что сколько-нибудь уязвляетъ ихъ самолюбіе, тотчасъ же вызываетъ взрывы гнѣва и энергичный отпоръ. Если вы выказали къ нимъ невниманіе или чѣмъ-нибудь обидѣли ихъ, то ждите отплаты, такъ какъ они мстительны и злопамятны.

Воля ихъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ чувствованій. Можно сказать, что не они владѣютъ своими страстями, а страсти владѣютъ ими. Обнаруживая нерѣдко удивительную энергію, перенося всякія лишенія, если это необходимо для удовлетворенія честолюбія, они въ то же время совершенно неспособны подавить въ себѣ господствующую страсть, даже если она явно влечетъ за собою вредныя по-

слѣдствія. Смѣлые и дѣятельные, они всю свою дѣятельность направляютъ обыкновенно на борьбу за обладаніе властью. Борьба — ихъ стихія, повелѣвать — для нихъ наслажденіе. Въ такой же степени преобладающія чувства сказываются также и на умственной ихъ сферѣ. Сужденія ихъ отличаются обыкновенно пристрастіемъ и односторонностью. Въ своихъ планахъ и замыслахъ они также поддаются нерѣдко вліянію чувства, напр., тщательно обдумывая подробности проекта, не замѣчаютъ въ то же время, подъ вліяніемъ увлеченія, крупныхъ ошибокъ и промаховъ. Все это не мѣшаетъ, однако, людямъ подобнаго типа быть иногда выдающимися дѣятелями, особенно въ области военной, политической или административной.

Медленные Б. Перѣ очень напоминаютъ тотъ типъ, который обыкновенно описывается подъ названіемъ флегматическаго темперамента. Ихъ движенія спокойны, неторопливы. Чувства, въ общемъ, довольно вялы и никогда не достигаютъ до степени сильныхъ порывовъ или страстныхъ желаній. Разсердить ихъ трудно, отчасти вслѣдствіе присущаго имъ добродушія, а главное — благодаря ихъ лѣности. Борьба, споры, возраженія — все это требуетъ находчивости, быстрой и безпокойной работы мысли, а они вообще неспособны ни къ чему быстрому и любятъ покой. Только въ томъ случаѣ, когда обстоятельства ужъ очень сильно затрагиваютъ ихъ интересы, «медленные», наконецъ, выходятъ изъ своего равнодушія и вступаются за свои права, причемъ прямо и упорно идутъ къ намѣченной цѣли, не отклоняясь въ сторону и не останавливаясь передъ препятствіями. Они не честолюбивы и не обидчивы. Въ то же время, благодаря слабо развитому воображенію и малой впечатлительности, высшія идейныя чувства бываютъ у нихъ обыкновенно мало развиты. Занятые всецѣло своими повседневными дѣлами и интересами, они большею частью довольствуются этой узкой сферой и не стремятся къ большому. Вопросы общественныя, отвлеченныя и художественныя мало ихъ интересуютъ. Въ общезитіи ихъ часто называютъ философами, главнымъ образомъ за спокойствіе и разсудительность. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи «философія» эта ока

зывается обыкновенно невысокаго качества, сводясь чаще всего къ какому-нибудь десятку разъ навсегда усвоенныхъ правилъ, которымъ они и слѣдуютъ, отчасти по привычкѣ, а отчасти по нежеланію трудиться надъ дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ этихъ правилъ. Вообще умственная дѣятельность людей этого типа часто грѣшитъ рутинностью и однообразіемъ. Они неохотно ищутъ новыхъ путей, предпочитая заниматься тѣмъ, что уже извѣстно. Усвоеніе всякаго новаго матеріала совершается съ трудомъ, но за то разъ усвоенное сохраняется долго въ памяти. Эти особенности умственной сферы отражаются также и на ихъ дѣятельности, отличающейся значительнымъ постоянствомъ. Всякаго рода скачки и рѣзкія перемѣны фронта имъ совершенно несвойственны. Однако, такое постоянство вовсе не является слѣдствіемъ твердой, сознательной настойчивости; оно вытекаетъ скорѣе изъ привычки, рутинности, заставляющей идти все время въ одномъ и томъ же направленіи. Они работаютъ, какъ хорошо заведенныя машины. Малѣйшая неожиданность, рѣзкая перемѣна обстоятельствъ и т. п. тотчасъ же ставятъ ихъ въ тупикъ и заставляютъ иногда безъ конца колебаться.

Что касается смѣшанныхъ типовъ, то *быстрые-пылкіе* (*vifs-ardents*) не представляютъ, въ сущности, изъ себя чего-нибудь своеобразнаго, будучи простой переходной ступенью между двумя типами, уже описанными выше.

Болѣе интересными представляются намъ *медленные-пылкіе* (*lents-ardents*). По внѣшнему виду они такъ же спокойны и неторопливы въ своихъ движеніяхъ, какъ и медленные (*lents*). Но подъ этимъ кажущимся спокойствіемъ скрываются сильныя и глубокія чувствованія. Въ то время, какъ у живыхъ (*vifs*) всякое вновь возникающее чувство тотчасъ же находитъ себѣ выходъ въ соотвѣтствующихъ поступкахъ или во внѣшнихъ проявленіяхъ и, благодаря имъ, скоро ослабляется и разсѣивается, — здѣсь этого почти никогда не бываетъ. Скрытое и затаенное чувство съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается и нерѣдко овладѣваетъ, въ концѣ концовъ, всѣмъ

существомъ человѣка, всѣми его помыслами и желаніями. Не находя себѣ исхода во вѣшней дѣятельности, чувства обращаются, главнымъ образомъ, на внутреннія переживанія, способствуя развитію воображенія, создавая цѣлый міръ грезъ и образовъ, среди которыхъ человѣкъ живетъ, радуется и страдаетъ, которые замѣняютъ для него дѣйствительную жизнь, шумную и хлопотливую. Люди этого типа — мечтатели по преимуществу. Въ то же время мечты ихъ, хотя бы даже самыя страстныя и восторженныя, все же носятъ извѣстный отпечатокъ грусти, неудовлетворенности. Въ противоположность живымъ (vifs), у которыхъ избытокъ жизни, здоровья и веселости такъ и брызжетъ, lents-ardents бываютъ обыкновенно задумчивы, грустны и наклонны къ меланхолии. Въ противоположность энергичнымъ (ardents), играющимъ въ обществѣ роль насильниковъ и угнетателей, они наклонны болѣе къ мученичеству, къ пассивному сопротивленію, къ морали страданія и терпѣнія.

Ихъ интересы и умственная дѣятельность направлены, главнымъ образомъ, на вопросы религіозныя, моральныя и эстетическіе. Не привыкши въ своихъ мечтахъ считаться съ условіями дѣйствительности, они нерѣдко увлекаются и впадаютъ въ крайности. Вообще, это идеалисты по своей природѣ. Идеалы ихъ чаще всего бываютъ искренни и безкорыстны, не представляя собою просто-на просто отраженія ихъ собственныхъ интересовъ и потребностей. Что касается ихъ воли, то она можетъ быть значительно развита, хотя, подобно чувствованіямъ, бываетъ обыкновенно обращена болѣе внутрь, чѣмъ наружу. Будучи способны къ самонаблюденію, упорны въ своихъ стремленіяхъ, устойчивы въ своихъ идеалахъ и симпатіяхъ, они добросовѣстно несутъ свои обязанности и внимательно относятся къ выполненію того, что считаютъ своимъ долгомъ.

Послѣдній классъ, *уравновѣшенные* (équilibrés) представляютъ собою нѣчто среднее между всѣми описанными типами. Это — натуры, у которыхъ ни одно качество не получаетъ значительнаго преобладанія надъ другими и которыя, благодаря этому, имѣютъ возможность совмѣщать въ себѣ самыя разнообраз-

ныя склонности и дарованія. Они уже отъ природы обладаютъ той душевной гармоніей, тѣмъ равновѣсіемъ способностей, которое такъ трудно бываетъ выработать путемъ воспитанія. «Ничто человѣческое имъ не чуждо», самыя разнообразныя чувства и впечатлѣнія находятъ въ ихъ душѣ сочувственную реакцію. За то крайности и увлеченія имъ совершенно несвойственны. Всякое рѣзкое чувство, всякій порывъ гнѣва и раздраженія тотчасъ же находитъ себѣ противовѣсъ въ какихъ-нибудь чувствахъ или соображеніяхъ противоположнаго характера и, вслѣдствіе этого, никогда не достигаетъ такой силы, чтобы всецѣло овладѣть ихъ сознаніемъ. Доводы разсудка всегда одерживаютъ верхъ надъ ихъ чувствами, непосредственныя побужденія всегда подчиняются въ концѣ концовъ господствующимъ взглядамъ и обычаямъ. Въ своихъ поступкахъ они всегда благоразумны и разсчетливы: «всегда знаютъ, чего они хотятъ, зачѣмъ они этого хотятъ и преслѣдуютъ свою цѣль упорно и настойчиво». Если же видятъ невозможность достигнуть желаемаго, то всегда сумѣютъ отказаться отъ несбыточныхъ надеждъ и подавить свои желанія. Однако, разсчетливость ихъ нельзя отождествлять съ той узостью запросовъ и интересовъ, которая часто граничитъ съ отсутствіемъ всякихъ сколько-нибудь широкихъ цѣлей и идеаловъ. Напротивъ, взгляды ихъ обыкновенно отличаются широтою и разносторонностью. Умственные интересы большею частью очень разнообразны, такъ что иногда трудно бываетъ сказать, чѣмъ они больше интересуются: чтеніемъ или играми, умственной работою или развлеченіями. Память, мышленіе и воображеніе у нихъ всегда развиты въ достаточной мѣрѣ, причемъ ни одна изъ этихъ способностей не выдѣляется особенно по сравненію съ другими. Умъ, чувство и воля сливаются у нихъ въ одно гармоничное цѣлое, не мѣшая и не противорѣча, а, наоборотъ, взаимно дополняя и поддерживая другъ, друга.

Этимъ короткимъ обзоромъ важнѣйшихъ разновидностей характера у дѣтей и взрослыхъ мы и закончимъ нашъ очеркъ. Есть, правда, еще одинъ вопросъ, близко касающійся нашей темы. Это—вопросъ объ условіяхъ, благоприятствующихъ развитію того или иного качества, той или иной стороны личности. Такъ, чрезмѣрное баловство, возможность безъ всякаго труда удовлетворять всѣ свои прихоти ослабляетъ волю ребенка, лишаетъ его энергіи и самодѣятельности; частыя и суровыя наказанія озлобляютъ его, дѣлаютъ мстительнымъ, скрытнымъ и недовѣрчивымъ («злостно-забитый типъ» Лесгафта); ложь и неискренность въ окружающей средѣ способствуютъ развитію въ ребенкѣ лживости и лицемерія и т. д. Однако, подробный разборъ всѣхъ этихъ факторовъ, вліяющихъ на развитіе характера, завелъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Да и самый вопросъ настолько сложенъ и обширенъ, такъ тѣсно переплетается съ важнѣйшими проблемами воспитанія, что разсматривать его мимоходомъ не имѣетъ смысла. Наша задача была болѣе узка: прослѣдить зарожденіе и ростъ важнѣйшихъ особенностей личности, преимущественно въ области воли и характера, и указать на ихъ постепенную дифференцировку, на тѣ сложныя и разнообразныя формы, въ которыя мало-по-малу отливаются подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ индивидуальность ребенка. И хотя вопросъ о постепенномъ развитіи характеровъ въ настоящее время представляется еще очень мало изученнымъ, однако мы надѣемся, что нѣкоторые изъ сообщенныхъ здѣсь фактовъ оказались все же небезынтересными для читателей.

„РОДНИКЪ“

24 книги въ годъ. Разнообразное содержаніе. Много рисунковъ. Журналъ для семьи и школы.

Одобрень для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Цѣна въ годъ 5 рублей съ пересылкой.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

Педагогическій журналъ, 12 №№ въ годъ. Вопросы семейнаго воспитанія. Родительскіе кружки. Хроника дѣтской жизни. Библиографія.

Цѣна въ годъ 1 р. съ пересылкой.

„СОЛНЫШКО“

Журналъ для дѣтей младшаго возраста. 12 книж. съ рис. Приложение—40 картинъ съ текстомъ.

Допущень для низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и для библиотекъ младшаго возраста средн. учебн. заведеній.

Цѣна въ годъ 1 р. съ пересылкой.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 1.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Сергіевская, 17 (во дворѣ).

Редакторъ-издатель **АЛЕКСѢЙ АЛЬМЕДИНГЕНЬ.**

— 3157
VII —

„РОДНИКЪ“ за 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 годы продается по **5** руб. за годъ въ бумажкѣ и **5** р. **50** к. въ папкѣ (2 тома) *безъ пересылки.*—Уступка 20⁰/о.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“—за тѣ же годы продается по **75** коп. за годъ, *безъ пересылки.*—Уступка 20⁰/о.

„СОЛНЫШКО“ за 1905 и 1906 годы по **1** р. *безъ пересылки.*
Уступка 15⁰/о.

При выпискѣ значительнаго числа экземпляровъ уступка по соглашенію.

Адресъ редакціи:

С.-Петербургъ, Захарьевская, 1. Телефонъ 4665.

Изданія редакціи журнала «РОДНИКЪ»:

1. **На востокъ.** Очерки *А. М. Ѳедорова.* Съ 47 рис. Ц. **1** р.
 2. **Ляшній.** Повѣсть *Н. Соловьева-Несмѣлова.* Съ 12 рис. Ц. **60** к.
 3. **За Кавказскимъ хребтомъ.** Очеркъ *Над. Каракашъ.* Съ 37-ю рис. Ц. **60** к.
 4. **Австрійская Крайна.** Очеркъ *Ал. Харузина.* Съ 39 рис. Ц. **40** к.
 5. **Исторія маленькой дѣвочки.** *Е. А. Сысоевой.* Изд. 4. Съ 29 рис. въ папкѣ, 400 стр. Ц. **3** р.
-